

№7 СЕНТЯБРЬ 2005

КИНОMAN

КАЗАХСТАНСКИЙ ЖУРНАЛ О КИНЕМАТОГРАФЕ

Толомушу
ОКЕЕВУ -
70 лет

«СТЕПНОЙ ЭКСПРЕСС» - история любви и отречения

Эксклюзивное интервью
с Джорджем ЛУКАСОМ

Всегда первый
Тунгышбай ЖАМАНКУЛОВ

Звезда
ГОН ЛИ (постер) <

Универсальность -
решающее преимущество!

Егор Михалков-Кончаловский,
кинорежиссер

Домашние кинотеатры Samsung.
Новейшие технологии развлечений
в Вашем полном распоряжении.
Поддержка большинства
популярных аудио- и
видеоформатов, включая MPEG4.
DVD-караоке: 3000 песен.
Домашние кинотеатры Samsung.
Новая реальность домашних
развлечений.

Будь лидером!

SAMSUNG

Цифровая галерея Samsung -
г. Алматы, пр. Жибек жолы, 102а. Тел.: 718591, 718592.
Техноцентр Samsung -
г. Алматы, ул. Бухар жырау, 66, уг. ул. Ауэзова.
Тел.: 754876, 754881.

©2003 Samsung Electronics Co. Ltd.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА

КИНОМАН

КАЗАХСТАНСКИЙ ЖУРНАЛ О КИНЕМАТОГРАФЕ

Редакция:

Главный редактор - Дарезан Омирбаев

Шеф-редактор - Ирина Костевич

Выпускающие редакторы - Роман Ахмедов,
Татьяна Черноусова

Дизайн и верстка - Алмас Умешов

Корректор - Елена Быстрицкая

Представительство в Астане - Дизайн-группа «Фабрика»,
8 (3172) 35-90-72, контактное лицо - Талгат Тайшанов, моб.:
8 300 710 08 02 (распространение в Астане, Караганде,
Кокшетау, Костаное и Петропавловске)

Корреспонденты:

Дилара Тасбулатова (г. Москва),
Тимур Ермаков (г. Москва),
Лилия Фишер (г. Берлин),
Евгения Звонкина (г. Париж)

Адрес редакции: Алматы, ул. Мынбаева, 43.
Телефон: 66-20-71, 43-33-83.
E-mail: kinoman-magazine@mail.ru

Собственник и издатель - ТОО «Агентство «Маматай»

Генеральный директор - Мэлис Атамкулов

В номере использованы фотографии
международного информационного агентства
Reuters.

Обложка: кадр из фильма «Степной экспресс»

Журнал зарегистрирован в Министерстве
культуры, информации и спорта РК.
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации № 5652-Ж
от 18 февраля 2005 года.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ТОО «Агентство «Маматай». Ссылка на журнал
«Киноман» обязательна.

Мнение редакции не всегда совпадает
с точкой зрения авторов. За содержание
рекламы редакция ответственности не несет.

Отпечатано в типографии High Technology,
Алматы, ул. Мынбаева, 43. Тел.: 43-36-43.

Тираж: 2000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

ТОО Агентство «Евразия-пресс»
тел.: 30-21-90, 30-20-87

индекс 75698

ТОО Агентство «Эврика-Пресс»
тел.: 33-78-50, 33-76-19

индекс 75698

АО «КазПочта»
тел.: 79-41-84

индекс 75301

Говорят, что самая сладкая вещь на свете - это
власть. «Не для всех, а только для тех, кто не поз-
нал еще более тонкие, глубокие и сильные вкусо-
вые ощущения», - добавил бы я.

Один из примеров в пользу такой моей гипоте-
зы - исторический.

В начале XV века правитель Самарканда, гроз-
ный внук Тимура, Улугбек забросил основную
работу хана и вплотную занялся своим давним
хобби - астрономией. За эту авантюру он по-
платился жизнью, но зато оставил человечеству
самую точную для своего времени карту звездного
неба, которая послужила основой современной
астрономии.

Другой пример совсем свежий и почти анек-
дотический - о нем сообщали недавно почти
все казахстанские СМИ: заместитель Южно-
Казахстанской области Бахытжан Аширбаев из-за
конфликта в ресторане на окраине Шымкента
оказался в СИЗО, после чего лишился своей
работы и арестовавшие его полицейские, и сам
г-н Аширбаев.

Я встречался с этим интересным и неординар-
ным человеком для интервью (см. «Киноман»
№2) и тогда еще про себя подумал: «Белая воро-
на!» (в смысле «Художник среди чиновников» -
Бахытжан, архитектор по образованию, автор
многих интересных зданий, фильмов, стихов,
фотографий, издания «Юг» и т.д.) и мыслен-
но пожелал ему подольше продержаться среди
настоящих ворон.

И вот, из газеты «Туркестан», в статье, посвящен-
ной инциденту в Шымкенте, я узнаю про факты,
полностью подтверждающие мои опасения и догад-
ки. Оказывается, весь скандал в ресторане начался
с того, что там Бахытжан на целых два часа поста-
вил привезенный с собой компакт-диск с музыкой
Моцарта (!), а хозяйка ресторана, слух которых не
привык к столь странным в этих краях звукам, взяли
и уничтожили диск! А дальше все пошло-поехало и
случилось то, что случилось (см. СМИ).

Если отбросить в сторону разницу во времени,
в масштабах и в жанрах (трагическую драму в
первом примере и театр абсурда во втором), то
суть обоих случаев, согласитесь, одна и та же:
ничто, даже власть и достаток, не сможет убить
естественное стремление человека к красоте, сво-
боде и творчеству!

Darzhan Omyrbayev

Дарезан Омирбаев.

В номере:

Интервью

Аманжол Айтуаров:
Режиссура -
божественная профессия 4

Поиск истины

«Степной экспресс» 8
Не всякий хочет держаться корней 11

Фестиваль

Коза Мостра 14
«Если звезды зажигают,
значит...» 16
«Хороший стиль -
это когда есть что сказать...» 20

Автограф

Тунгышбай 24

Рождение кино

Вокальные параллели 30

Киноэлита

Вадим Абдрашитов:
Каждый фильм -
всегда дебют 36

Классика

Толомуш Океев:
Если будешь запуганным,
тебя съедят 40

Звезда

Принцип ли
для Гон Ли 46

Мастер-класс

Звездный десант 50

Кинопрокат

Луч света 54

Пиратство

Показать работу 56

Каруселькино

Портной и Луна 58

Кинолюб

Гиммик -
забытое слово в кино 60

Аманжол АЙТУАРОВ: РЕЖИССУРА – БОЖЕСТВЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

Аманжол Айтуаров – личность в кинематографических кругах известная. Да и читатели наверняка знакомы с его творчеством. Первую картину Айтуарова «Прикосновение» часто показывают по национальным каналам телевидения – помните историю странствий тюркского воина, волею судьбы связавшего себя брачными узами с колдуньей? Фильм о любви, о предательстве и о дороге, как метафоре самой жизни. Для Аманжолы Толыкбаевича это вечные темы, и очередная его картина «Степной экспресс» не стала исключением. Ведь в сценарной основе – «Станционный смотритель» Пушкина. Мы встретились с режиссером, чтобы узнать, как снимался фильм и какую судьбу прочит ему автор.

– Аманжол Толыкбаевич, я хотел бы начать разговор с вопроса о вашей преподавательской деятельности. Вот уже пятый курс «натаскиваете» будущих режиссеров в Академии искусств. Что это за ребята?

– Считаю, у меня способные студенты – новое поколение режиссеров с достаточно скептическим отношением к нашему прошлому (имеется в виду прошлое «Казахфильма»). Те картины, что считаются у нас классикой и у всех на слуху, они подвергают нещадной критике. И я в чем-то с ними солидарен. В действительности, трудно представить, чтобы среднестатистический молодой человек выложил 500-600 тенге за просмотр отечественной картины в надежде получить удовлетворение как в зрелищном, так и в содержательном плане.

– Это уже далеко не первая генерация режиссеров с определенным отношением к прошлому, но все с тем же неопределенным будущим. Вы говорите своим ученикам, что их ждет после окончания учебы?

– С самого начала я поставил их в известность, что, когда они получат диплом, то первое, с чем столкнутся – это с ощущением, что они никому не нужны. Никто не будет заниматься их распределением. Устраивать свою творческую судьбу им придется самим. Мне будет очень жаль, если этот курс разделит судьбу предшествующих – не сможет пробиться в большое кино. За восемь лет существования режиссерского отделения ярко состоялся в своей специальности только, пожалуй, Нариман Туребаев. А ведь способных ребят было очень много. В чем же причина? Почему так тяжело вчерашнему студенту получить дебют на киноплёнке? Куда идти сегодняшним выпускникам? Остается только телевидение. Но там конвейер, поточное производство.

В связи с этим я разработал концепцию, которая в какой-то мере может помочь им. Одна рядовая казахфильмовская картина обходится государству в среднем в 600 тысяч долларов. Помимо денег, тратится огромное количество усилий, времени, нервов. И что мы имеем в итоге? Картина в лучшем случае через три-четыре года доходит до зрителя посредством маленького экрана телевизора. В кинотеатрах наше кино не показывают. И получается, что, опираясь на трезвое логическое рассуждение, выгоднее укоротить этот процесс, работая с телевидением напрямую. Я предлагаю создать национальный центр или студию по созданию художественных видеофильмов. Такой фильм может обойтись в среднем в 30-40 тысяч долларов. Если подобный центр будет создан, то это явится большим благом не только для выпускников, но и многих режиссеров «Казахфильма». Потому что каждый из них в среднем простаивает без съемок по пять, шесть лет.

– Хорошо, допустим, такая студия создана, а кто будет ее спонсировать?

– Архиважно, чтобы она развивалась исключительно под эгидой государства. Есть же чисто идеологический аспект. Наше телевидение напрочь забито западной и российской продукцией. В итоге мы получаем размытое ощущение родины у подрастающего поколения. Древние римляне говорили: «Если вы хотите покорить государство, не обязательно завоевывать его физически, достаточно разложить его молодежь». Это происходит и с нами. Мы уже свылись с таким термином, как глобализация, а ведь это достаточно новое слово. И не противоречим, не сопротивляемся ему. Но ведь с расширением информационного поля до мирового уровня приходит масса вредного, общество унифицируется. Россия это уже понимает. Недавно я прочитал, что в бюджете Российской Федерации отдельной строкой заложена статья о финансировании фильмов патриотической направленности.

– Вы считаете, что за этим кто-то стоит? Есть реальные силы, направленные на тотальную унификацию?

– Думаю, да. Есть силы, заинтересованные в подавлении очагов оригинальной культуры. Возьмем, к примеру, Афганистан. Американцы провели там (причем это подавалось с большой помпой!) первый конкурс красоты. Для Афганистана подобные мероприятия, где девушку рассматривают, как предмет, совершенно чужды. Замеряют длину ее ног, талии, бедер... Я считаю, это неправильно. Народные и исламские традиции в Афганистане должны уважаться.

– Вы религиозный человек?

– Каждую пятницу я посещаю мечеть, но назвать себя по-настоящему религиозным человеком на сегодня не могу. Еще не готов.

– А что для вас суфизм? Ведь не зря в качестве эпиграфа к фильму вы использовали изречение суфийского мастера?

– Суфии – это необычные люди, и в первую очередь, с точки зрения необычности их пути. Поиск божественного в жизни у них простирается далеко за рамки традиционного ислама и законов шариата, и этим суфизм навлек на себя гнев ортодоксов. К сожалению, эта страница ислама в нашей истории мало изучена. А изречение, которым я воспользовался в фильме, принадлежит известному суфию Хазрет Инаят Хану. В какой-то степени оно объясняет фильм.

– Центральный смысл фильма религиозный?

– Религиозного смысла нет. Я давно определил для себя, что свою идею, даже выношенную где-то глубоко внутри, нельзя прямо переносить на экран. Потому что жизнь гораздо богаче

любой идеи. Я ставил себе целью лишь внятно рассказать простую историю. Соглашусь, что история эта в чем-то даже банальна, но за ней зритель может увидеть нечто большее, а главное, личное. Всегда хорошо, если картина способна инициировать личные мысли.

- Снимая фильм, вы хотите наиболее минимизировать себя?

- Надо просто уметь рассказывать истории, не загружая их своими мыслями, философскими идеями. Не помню, кто, но очень точно высказался, что любая изреченная мысль есть ложь. Человеческая мысль по природе своей ограничена. Если режиссер может рассказывать истории, интересные зрителям, то это уже неплохое кино.

- Трудно идти, не оставляя следов, также трудно делать что-либо, не оставляя в этом частицу самого себя?

- В отношении кинематографа сложилось клише: существует авторское кино и кино массовое. В авторском режиссер переносит на экран свой индивидуальный образ мысли, особым образом снимает. Все персонажи говорят его языком. Цель такого искусства - перенести на экран как можно больше самого себя, включая особенности своего восприятия и мировоззрения в целом. И при этом совсем не учитывается зритель, насколько ему будет интересно такое самовыражение. Будет ли у него время и деньги, которые он смог бы потратить на такой фильм. Существует и другая крайность, когда зритель приходит на развлекаловку, на стрельбу. После двух часов такого времяпрепровождения у него в сердце ничего не остается. Посмотрел - и забыл.

- Снимая «Степной экспресс», вы ориентировались на массового зрителя?

- Я хотел сделать фильм для всех, независимо от национальности, места проживания. Сама история - она ведь современная, хотя, конечно, и на грани вымысла. Кто-то может сказать, что в реальной жизни подобное невозможно. Но жизнь всегда непредсказуема и такое вполне могло случиться.

- Ваш первый фильм «Прикосновение» можно отнести к тому разряду фильмов, что специально нацелены на особый вкус фестивальных критиков. А сейчас в ваших словах такая перемена. Если бы вам предложили снимать, к примеру, сериал, вы бы согласились?

- Я с удовольствием взялся бы и за сериал. Конечно, все зависит от материала, от сценарной основы. Все, что называют «мылом», снимать, согласитесь, не так уж интересно. Но все-таки можно найти золотую середину. Приведу в пример моего сокурсника Александра Баранова. Он сам казахстанец, хотя в данный момент

работает в Москве. Снял интересный сериал «Участок». Необычный сериал, необычные ситуации, в целом, я думаю, это художественное явление.

- Что было самым трудным в съемках?

- Снимая кино не в первый раз, занимаясь преподавательской деятельностью и обладая солидным багажом теоретических знаний, я каждый раз, приступая к съемкам, чувствую себя так, словно открываю для себя профессию заново. В связи с этим мне нравится высказывание Андрея Кончаловского. При поступлении во ВГИК он думал, что знает о режиссуре практически все. Когда учился - только половину. Закончив, обнаружил, что не знает, как снимать кино. Но в таком состоянии нельзя пребывать долго. Потому что съемочная группа, всецело зависящая от тебя, останется без зарплаты. Каждый день надо выдавать метраж, придумывая все заново. Режиссура необъятна, как сама жизнь. Для меня это, в некотором смысле, божественная профессия. Мы из ничего создаем другую реальность. Придумываем персонажи, вдыхаем в них жизнь. Они начинают общаться друг с другом, попадать в определенные ситуации. В итоге моделируется сама жизнь, и зритель должен поверить - или не поверить. Этот вопрос ключевой. Есть и такое, что многие люди оценивают достоинства картины с точки зрения соответствия правде жизни. По сюжету второй моей картины «Путешествие в никуда» группа молодых людей пытается вырваться за границу, но попадает в зону, где когда-то проводились ядерные испытания. Действие развивалось ровно до тех пор, пока исполнитель главной роли, каскадер из Киргизии, не сказал, что срок его контракта истек. Собрал вещи и уехал на родину. Мы вынуждены были на ходу менять сюжет: молодые люди попадают к военным в плен и в конце все взрываются. Анализируя ту картину, я отметил для себя, что возник конфликт между вымыслом и реальностью. В итоге многим эта картина показалась неправдоподобной.

- Вы учитывали то, что зритель психологически всегда на стороне слабого? У Пушкина, да и в соловьевской экранизации, зритель - человек маленький, только потом, где-то в конце, мы узнаем, что он - ветеран войны, открывается многоплановость биографии. А у вас Айдар получился человеком сильным.

- Во-первых, надо апеллировать к авторам сценария. Но думаю, направление было выбрано правильно. Одно дело, когда ломается маленький человек, другое дело, когда ломается человек сильный. Когда это происходит с сильной личностью, у зрителя возникает больший резонанс, больше вопросов.

Вообще в фильме Айдар должен был погибнуть, двигаясь навстречу поезду. Но наши спонсоры, компания «Темір жолы», категорически возражали против такой смерти.

- Как они аргументировали? Наверное, говорили, что подобное решение негативно скажется на имидже компании?

- Не только. Главный довод с их стороны был в том, что такой поворот сюжета - против всех фактологических правил. Говорили, что если бы герой выжил, то получил бы лет двадцать строго режима, ведь он стал бы причиной гибели сотен людей. Но я до сих пор не уверен в том, что поступил правильно. В том варианте сцены была какая-то очень высокая нота человеческой драмы. Было много мучений за монтажным столом. В итоге мы остановились на аллегорическом угасании главного героя. Но примет ли зритель, поймет ли...

- Чья идея была обратиться к Пушкину?

- Известный сценарист Одельша Агишев и его соавтор Куат Ахметов задумали перенести пушкинскую историю в реалии казахстанской действительности. Конечно, я не рискнул упомянуть Пушкина в титрах. Это большая ответственность. Думаю, не все зрители, даже хорошо знакомые с творчеством Пушкина, увидят эту повесть на экране.

- То есть вы не считаете свой фильм переложением Пушкина на казахскую почву?

- Нет, это просто

сюжетный ход. Есть огромные учебники по драматургии, следуя которым в мире всего-то от шестнадцати до тридцати двух основных сюжетов, в зависимости от источника. Все сюжеты, к которым апеллирует кинематограф, рано или поздно повторяются. Иногда это глубоко спрятанно и не сразу заметишь, но если внимательно проанализировать хотя бы сто фильмов, то везде можно найти и тему любви, и предательство, и борьбы добра со злом.

- Кто-то говорил, что все истории уже были придуманы в эпоху немого кино, с приходом звуковой эры они только развиваются...

- Не совсем так. Все истории придуманы в древности, в народных сказках. В этнографическом материале всегда присутствует герой, который проходит испытания с какой-то очень большой высокой целью. В сказках заложена квинтэссенция человеческой мудрости.

Всегда присутствуют главные герои, второстепенные. И главный герой всегда должен быть симпатичен зрителю, должен нести положительную энергетику, показывать правильную модель поведения, возвращать людям чувство родины. Может быть, я повторяюсь, но архивно иметь своих, национальных киногероев, которым хочется подражать...

Беседовал
Роман АХМЕДОВ,
фото
Ермека
МАМБЕТОВА.

Очень порадовал «Степной экспресс». По моему мнению, это один из самых ярких фильмов последних лет, которые мне довелось увидеть. Не могу не поделиться с читателями своими впечатлениями и одновременно попытаться проанализировать их.

Сначала о сюжете. На первый взгляд, он выглядит весьма незамысловатым. Сразу же бросающаяся в глаза практически полная сюжетная схожесть с пушкинским «Станционным смотрителем» задает вполне определенный настрой в понимании фабулы. Однако именно на этом параллельном восприятии очень четко видишь и весьма существенные различия. Постепенно, по мере знакомства с главным героем, проникновения в психологию его образа, приходит невольное сравнение его с айтматовским Едигеем. И уже после просмотра, вспоминая эпиграф, предпосланный авторами фильма, понимаешь: необходим более пристальный анализ на основе уже далеко не столь очевидных аналогий.

Итак, «Станционный смотритель» и «Степной экспресс». Схожих черт в сюжетном построении очень много: станция, одинокий смотритель и его юная дочь, молодой соблазнитель, тайно увозящий свою жертву в свет, печальная судьба главного героя, концовка повествования и т.д. Для поверхностного восприятия этого вполне достаточно, поскольку возникающие ассоциации

вполне идентичны. Здесь и моральное осуждение героини, и щемящая жалость к одинокому немолодому человеку, и негативное отношение к чужаку, походя ломающему судьбы двух до этого счастливых людей. Однако постепенно замечаешь весьма существенные несоответствия, которые заставляют внимательнее приглядеться к ним.

Образ Айтеке, такой ясный и понятный вначале, приобретает новые черты, и все более отличается от литературного портрета смотрителя Самсона, перерастает его, наполняется новым, глубоким содержанием. Он все более напоминает образ Буранного Едигея — цельностью натуры, огромной внутренней силой, прекрасными человеческими качествами, житейской мудростью, основанной на незыблемых основах народной традиции. Такой ракурс невольно заставляет по-другому взглянуть на параллельные образы Сауле — Дуня и Этьен Дюбане — Минский. В первой паре довольно четко ощущаешь серьезные отличия в мотивации поступков. Сауле представляется натурой более целеустремленной и сильной. По моему мнению,

ее движет не слепая страсть и не любовное увлечение, ибо она предстает на экране человеком вполне серьезным и рассудительным, и не просто меркантильные интересы и стремление перебраться в мегаполис (это очевидно при сравнении ее с «искательницей приключений», встреченной Айтеке в Алматы). В какой-то мере подсказкой можно считать ее потайную дверь в неизведанный мир — по-видимому, не один год собираемая коллекция фотографий из западных журналов, — чем-то напоминающая скрывающуюся под куском старого холста заветную дверь Буратино в новый волшебный мир. Этьен для нее не принц на белом коне, а вполне реальный проводник. Кстати, этим он выгодно отличается от поручика Минского, так как им движет не похоть и не минутное увлечение. Он довольно честен перед Сауле и ее отцом, а также перед самим собой. С позиций своего видения он не считает, что совершает аморальный поступок, а наоборот, **полагает**, что делает доброе дело, беря на себя **непростые** обязательства по опеке над юной **степной** девушкой в незнакомой ей среде. Для него **освященные** веками традиции чужого народа не играют особой роли, в отличие от Минского, прекрасно осознающего низость своего «недворянского» поступка, о чем свидетельствует его замешательство и смущение при встрече со зрителем. Этьен же вполне уверен в своей правоте.

Когда все эти несоответствия ломают первоначально заданную в сознании конструкцию сюжета, начинаешь задумываться о более глубоких пластах сюжетного замысла. Именно здесь возникает необходимость смены аналитического инструмента. В памяти оживает знаменитый рефрен из романа «...И дольше века длится день»:

«Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток...»

По сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства — Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей.

В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана...

А поезда шли с востока на запад и с запада на восток...»

В этот момент ощущаешь определенную сопричастность к авторскому замыслу и видишь в нем второй, более глубокий и сложный пласт. Вызывает восхищение мастерство авторов сценария и режиссеров, которые не ведут за собой зрителя, а позволяют ему как бы самому открывать все новые глубины повествования. При этом каждый такой пласт обладает необыкновенной притягательностью и не оставит никого равнодушным. Каждый увидит в фильме то, что он в состоянии

«СТЕПНОЙ ЭКСПРЕСС»

постигнуть с позиций своего восприятия окружающего мира.

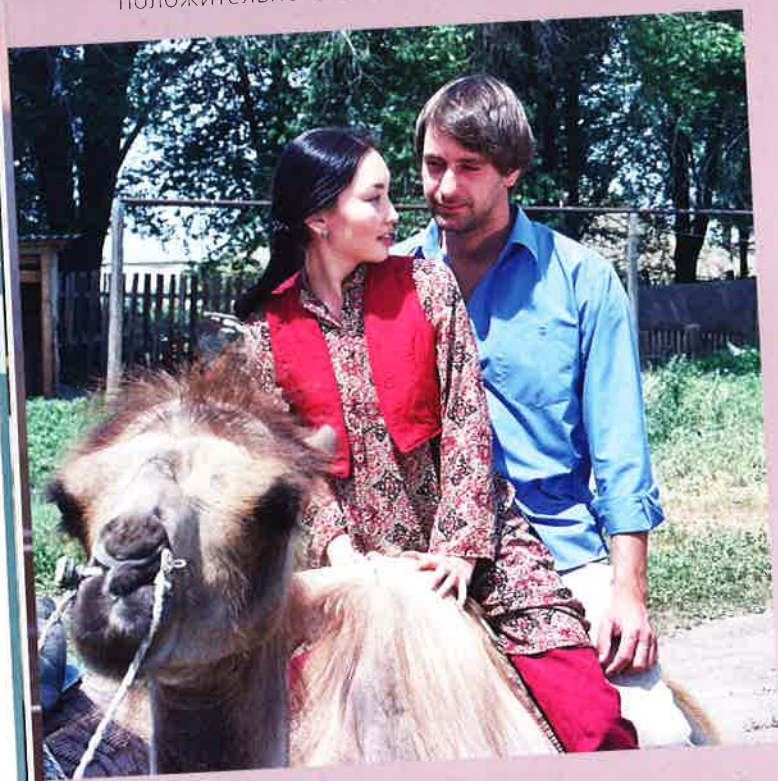
Для меня этот горизонт явился не вдруг, а по мере раскрытия впечатляющего образа Айтеке. Честность, щедрость души, благородство и многие другие человеческие качества персонажа вызвали неудовлетворенность в понимании его просто как личности, а сюжета фильма — лишь как истории частной жизни одной семьи. Он сам ставит такую задачу перед зрителем в одном из своих монологов: «...Поезда приходят и уходят и исчезают в никуда. Как облака, прошли дождем и нету их. Но мы люди. Мы трясемся в последнем вагоне и видим только то, что позади осталось. Равнодушные ко всему. Скажи, зачем все? Для чего живем на этом свете? Для чего?!»

В этот момент начинаешь воспринимать героев фильма не только как живых, реальных людей, а ощущаешь определенное замещение их образов на более масштабные, не индивидуально-го, а социального содержания. Аллегорически приходит восприятие Айтеке как обобщенного образа не только старшего поколения, но, пожалуй, и всего казахского народа, прошедшего через многовековые суровые испытания, сохранившего мудрость предков, народные обычаи и традиции, широту души. Под таким углом зрения и Сауле воспринимается по-другому. В чем-то она символизирует перемены, наступившие в нашей жизни, стремление молодого поколения, а в перспективе и всего общества, влиться в единый процесс мирового развития. В эпоху глобализации он несет не только положительное. Он неизбежно сопровождается

утерей каких-то ценностей и традиций. Именно поэтому актуален вопрос Айтеке, обращенный ко всем нам, именно поэтому конфликт между отцом и дочерью воспринимается как более широкая, социально-этническая проблема. Определенным подтверждением тому служит образ Этьена Дюбане. В нем масса прекрасных черт — доброта, непосредственность, искренность. Но это человек другой культуры, других традиций. Каковы будут последствия не просто пересечения, совмещения, а может быть и слияния не только людей столь отличных между собой людей, но и целых народов, разных этно-исторических и духовных традиций? Мне представляется, что авторы фильма смотрят на эту проблему довольно оптимистично. У нас, у всех людей и народов, одни истоки и по большому счету одни глобальные ценности. В диалоге Этьена и Айтеке, когда они лежат рядом на дрезине и смотрят в небо, последний говорит: «На небо посмотри — вот она настоящая жизнь. А ты все товар да товар...», на что собеседник отвечает идущими из глубин души представителя иного суперэтнуса словами: «Мне кажется, я счастлив здесь. У меня такое чувство, что я все это видел раньше...» В конце фильма маленький человечек, родившийся на чужбине, даже на краткий миг приобщившись к своим истокам, чувствует свою неразрывную связь с ними, не хочет уезжать, ощущает мощную притягательную силу родной земли и своего народа, легко переходит на язык своих предков. Мне видится в этом позиция создателей фильма: взаимное влияние культур неизбежно; такое влияние не только сопровождается обогащением сторон, но закономерно влечет за собой утрату каких-то составляющих культуру и традиции народа элементов; главное в этом процессе не потерять самое ценное, то, что не разъединяет, а объединяет народы.

Скандербек ШАЛТАКБАЕВ

НЕ ВСЯКИЙ ХОЧЕТ ДЕРЖАТЬСЯ КОРНЕЙ

Фильм «Степной экспресс» — попытка показать постоянную борьбу между чувством патриотизма и космополитизмом. Но барьер, разделяющий эти мироощущения, не имеет четких границ, а значит, от любви до безразличия к отчизне всего лишь шаг.

В Казахстане поезд — немаловажный фактор. По всей республике разбросаны тысячи поселков и аулов, существующих за счет железной дороги. Для них она — единственная связь с внешним миром. Людям из сельской местности кроме как на железной дороге, по сути, негде работать. Поэтому многие сельчане только тем и заняты, что бродят по раска-

ленной степи в поисках неисправностей рельсовых дорог, постукивают молоточком по дискам, меняют отработавшие свой срок шпалы. Женщины же путешествуют со станции на станцию, промышляя в поездах мелкой торговлей, продажей блюд местного изготовления. Бесспорно, эти люди имеют хоть какую-то работу только благодаря железной дороге,

без нее омертвляет огромное количество поселений.

В картине «Степной экспресс» показана жизнь людей вблизи железнодорожной станции, идет повествование об их повседневных делах. Название киноленты более чем удачно и отлично характеризует ее содержание.

Однако в фильме имеются значительные недоработ-

ки постановщика, и пусть в том или ином случае можно сослаться на замысел, но, судя по мелькающим событиям в ленте, эти нюансы и минусы появились исключительно спонтанно.

Если говорить отдельно об иностранце-путешественнике, то, само собой разумеется, немногие зарубежные гости решаются изучать незнакомую страну посредством небезопасных поездок по степям. Скорее всего, французский турист, о котором пойдет речь в фильме — безумное исключение. Случайно он знакомится с молодой казахской девушкой, торгующей кумысом. Удивляет его халатность, ведь нам показывают, как, отдав ей деньги, он вдруг осознает, что расстался с последними сбережениями, а значит, дальше поедет голодным. Также поражает страшная беспринципность француза, — он способен отобрать у девушки деньги, которые сам же несколькими минутами ранее ей, можно сказать, подарил. То ли это все спроецированные старания режиссера, но образ француза значительно обезображен, причем весьма неумело. Это каким надо быть неопишимо жадным и слабоумным, чтобы прыгнуть с собственного поезда и погнаться за какой-то местной девчушкой! Глупый и малооправданный поступок...

Еще зрителя может удивить лингвистический момент. Этьен (имя туриста) общается с девушкой и ее отцом на разных языках, но при этом они прекрасно понимают друг друга. Изъясняясь друг с другом, они даже не пользуются жестиком. Это казалось бы приемлемым, будь Этьен этнографом и опытным лингвистом, корпящим над тюркскими алфавитами и произношением. Но дело в том, что данный турист вовсе не этнограф и даже не географ,

он просто работает в какой-то компании у себя на родине.

Сначала Сауле на него сильно обижена из-за денег, но по ходу сюжета уже начинает потихоньку заигрывать с Этьеном. Отец притворяется, что ничего не видит, хотя на деле замечает изменения в поведении дочери. Девушка совершенно молода, ее мать давно умерла, так что все хозяйство лежит на ее плечах. Юный человек, проживающий на задворках цивилизации, чаще всего хочет лишь одного, пусть даже на подсознательном уровне, — сбежать с насиженного места куда-нибудь в город. Ночью там сияют неоновые лампы, кругом развлечения, тусовки, много дорогих машин, а значит, и денег тоже много.

Пусть Сауле и любит свой родной край, но в глубине сердца она в Париже или же в Нью-Йорке, в крайнем случае, в Алматы. Такая трансформация ценностей происходит не со всеми, но со многими. Люди меняют свои взгляды на жизнь, собирают багаж и уезжают в поисках счастья в большие города.

Разумеется, в степи есть своя романтика, но она чрезвычайно уныла. Каждый божий день косить сено, готовить еду (из года в год почти одну и ту же), кормить и доить коров, стирать белье и видеть знакомые до боли лица. Потом жених из соседнего поселка, местечковая свадьба, куча сопливых детей, внуки, морщины и немощь. В этом явлении кроется своя стабильность, собственная уверенность в завтрашнем дне. Что мол, такая, пусть серая и грязная, но скажем, сытная жизнь будет всегда, а значит, нет крайней необходимости менять что-либо, так как в процессе перемен есть риск потерять то, что есть. На подсознательном анализе окружающего мира Сауле не хочет всю жизнь возиться со скотом и лепешками, ей это надоело, она жаждет нового мира. Если это и манкуртизм, то в нем нет ничего определенного отрицательного: девушке всего лишь надоело однообразие, она решила сбросить с себя ношу степной хозяйки, и потому отреклась от родного очага.

Режиссер Аманжол Айтуаров старался наделять образ героини душевными противоречиями, придать картине более драматический характер. Однако, судя по сюжету, именно в этом он и переусердствовал, и образ юной девушки получился слишком размытым и недостаточным. В первой половине фильма Сауле совсем иная: видно, как она любит отца, предана традициям, родным местам.

Но фильм идет, и вот уже Сауле в новом амплуа — западной леди, причем невероятно сдержанна и холодна с отцом, как будто тот оказался преступником. Самое страшное то, что она даже не соизволила пригласить старика на свадьбу. Казалось бы, позвать всего лишь одного человека, а именно собственного отца, но она не сделала этого. К тому же она чрезмерно меркантильна, и даже в письме подчеркивает, что с Этьеном рассталась, потому что нашла человека посolidнее, то есть социальным статусом выше. Ее поступок сложен, и конечно, Сауле можно за это упрекать сколько угодно, но ведь такая мировоззренческая натура тех, кто склонен к космопо-

литизму. И в любом случае бесспорен тот факт, что своим поступком она предала свой народ, его моральные ценности, какие-то принципы в лице отца. Последний олицетворяет собой брошенную родину, немощную, скорбящую, рыдающую. В самом финале главная героиня и сама плачет, но невозможно выяснить, отчего и почему. Наверное, и сам режиссер этого до сих пор не понял. Самым фальшивым эпизодом оказался тот, когда сынишка Сауле уже в ауле перед самым поездом поднял шум из-за отъезда. Видите ли, упятилетнего мальчишки выгнали гены, что, конечно же, вызывает усмешку. В реальности мальчик уехал бы к себе во Францию совершенно спокойно, ведь вся его жизнь прошла как раз таки там. Видимо, режиссеру хотелось выбить слезу из зрителя, однако столь неудачно поставленная сцена вызвала обратный эффект. Его можно назвать эффектом зрительского недоверия.

Режиссер хотел создать драму, сложную и запутанную, но в какой-то момент

сам запутался в личных идеях. Он как бы собирал фильм по кускам, беспечно сшивал эти куски в одно целое, в итоге получилось то, что явно не тянет на признанную картину. Заметно, что режиссер сопереживает проблеме отречения казахов (да и вообще людей различных национальностей) от собственных корней, в какой-то степени, может, это и похвально, но в «Степном экспрессе» тема выглядит чересчур навязчиво. Невероятно уродливыми показаны космополиты: какими-то бесчувственными, корыстолюбивыми, гнусными. Но именно такой режиссерский подход и дает сбой в сюжете. Все это сделано чересчур наигранно, искусственно, дидактично и догматично.

Эльзас ФАЛАНГА

62-й Венецианский кинофестиваль (итальянцы называют его Мострой) закончился полной победой Энга Ли, американца китайского происхождения, долгие годы работающего в Голливуде.

КОЗА МОСТРА

Присуждение главного «Золотого льва» Энгу Ли (на снимке), представившего в Венеции экзотическую историю о двух ковбоях, сбежавших из запретной страсти, вызвало множество кривотолков. Больше всего бушевали гомофобы, посчитавшие триумф Энга Ли победой политкорректности. Страсти сдерживали критики-интеллектуалы, аттестовавшие происшедшее всего лишь как компромисс между арт-хаусом и унылым потоком так называемого мейнстрима. Гомосексуальная love story, полагают эти критики — смелый шаг лишь с виду. Мол, на самом деле «Горбатая гора» — картина слишком традиционная, чтобы удостоиться столь высокой награды фестиваля, позиционирующего себя в качестве авангардного и поискового. Но, несмотря на справедливость этих упреков, лично мне картина очень понравилась. И дело не в «радикализме» Энга Ли — в конце концов сейчас никого не удивишь фильмами о гомосексуальной любви. Мне думается, «Горбатая гора» — отнюдь не маргинальное явление для сексменьшинств, эстетическое гетто (вроде «женских» романов). А история великой любви, непрощенной, преследуемой, всем мешающей любви, трагической. Чтобы утешить пуритан, могу сказать, что оба актера, и Хит Леджер, и Джек Гилленхал, придерживаются традиционной сексуальной ориентации. Тем ценнее их актерский подвиг, аутентичность их существования в образе; ведь в фильме есть и откровенные сцены.

И вот что интересно: несмотря на высокий рейтинг двух других картин-фаворитов, американской и российской, обе они остались на обочине. Правда, фильм Джорджа Клуни «Доброй ночи и удачи», ностальгически воспроизводящий времена романтической честной журналистики времен маккартизма, получил парочку второстепенных призов (за сценарий и главную мужскую роль). Зато российский «Гарпадум», картина головокружительной красоты и редкостного

мастерства, не получил ничего — ни единого приза и даже упоминания.

Обидно. Ибо «Гарпадум» (что на латыни означает «игру в мяч») обладает магией Хроноса, а Алексей Герман-младший, сын великого режиссера, — редкостным умением найти утраченное время, в лабиринтах которого так любил плутать Марсель Пруст. Не сравнивая Германа-мл. ни с его отцом, ни тем более с самим Прустом, можно сказать, что именно он, двадцатидевятилетний автор (самый, кстати, молодой из всех приглашенных в Венецию режиссеров), сумел загнать в самую сердцевину магического кристалла. «Гарпадум» — повесть о мальчишках образца 1914-го, мечтающих отгородить собственное футбольное поле, мальчишках, бредящих игрой в мяч, — самое оригинальное, необычное, смелое произведение Венеции-2005, эстетическая новизна которого кроется в чеховском подходе к действительности: когда историческое время присутствует в произведении не грубо и зримо, а подспудно, как томительная, фатальная мелодия, звучащая где-то вдалеке. Довольно трудно описать мир германовского фильма, полифоничный, многослойный, возвращающий нас к шедеврам прошлого — тем более что пленка здесь обработана особым способом, доведена до эстетического совершенства старой монохромной фотографии. Когда еще серебра, дающего особую, гиперреалистическую четкость изображения, было вдоволь.

Забавно, но и фильм Клуни снят в манере старого кино, на черно-белой пленке — так же, впрочем, как и картина «Первые на Луне» Алексея Федорченко, получившая приз в программе «Горизонты». По поводу обеих картин, использующих псевдодокументальный стиль, в Венеции разгорелись жаркие споры: даже люди, имеющие отношение к архивам, долго не могли решить, стилизация это или подлинная старая хроника. И если Федорченко сразу заявил, что придумал свой мир от начала до конца, то Клуни, в привычной своей манере, мило отшутился. Вот и поди пойми теперь — реальная ли это хроника, запечатлевшая сенатора Маккарти во всей своей красе или — изящная стилизация.

В секции дебютов победила черно-белая грузинская короткометражка «13» Гелы Баблуани, а второй по значению приз фестиваля присудили опять-таки черно-белому шедевр Филиппа Гарреля «Постоянные любовники».

Дожили до наших дней Чаплин или Жан Ренуар, оба не преминули бы позлорадствовать — ибо цветное изображение казалось им плоским, лишаящим зрителя воображения.

Еще одна тема Венеции-2005 — параллели. Этические и эстетические, между Востоком и Западом, черно-белым и цветным изображением etc. Фильм Рустама Хамдамова, легенды советского кино, так и называется — «Вокальные параллели». Рената Литвинова, участвовавшая в проекте и украсившая его, говорит здесь по-казахски, что на фоне повсеместной феерии, которую удалось создать завязатому эстету Хамдамову, выглядит более чем естественно. На самом деле название «Вокальные параллели» больше подходит другому фильму, не менее легендарного Мэтью Барни, нью-йоркского художника-авангардиста. Впрочем, название его почти непереводимо — что-то вроде «Рисунка сдержанности 9»; столь же непереводим на язык нарратива сюжет этой авангардной поэмы, где вместе со своим мужем Мэтью снялась легендарная поп-икона Бьорк. Хамдамовский фильм тоже с трудом поддается пересказу, единственная непреложная его ценность — прекрасное пение Бибигуль Тулегеновой и Розы Джамановой, снявшихся в картине. Кстати говоря, обе они были в Венеции и я пару раз встречала их на Сан-Марко — с замиранием сердца, как посланниц своего детства и одновременно фата-моргана оперы. Главная же идея картины состоит в том, что, мол, в мире, где давно все подделано, остается единственная ценность — уникальный оперный голос. Что правда, то правда — голоса двух казахских певиц поразили даже выдавших оперные виды итальянцев. Несмотря на то, что «Вокальные параллели» — всего лишь роскошный клип на тему призрака оперы, несколько, надо сказать, параноидальный, многие считают эту картину гениальной. Директор одного из крупных юго-восточных фестивалей говорила мне о ней с замиранием в голосе, аттестуя как нечто доселе невиданное и неслыханное. Надо сказать, что и у г-на Барни, битых два часа демонстрировавшего зрителю смену арт-объектов, главным из которых была его жена, Бьорк, есть свои поклонники. Сетующие, что картину никогда не увидят в России — ни один дистрибутор, если он не самоубийца, не осмелится купить ее для проката. Что правда, то правда — не осмелится. Честно говоря, и в Венеции с фильма уходили — при-

том, что фестиваль зритель — особый, испугать его или наскучить ему трудно.

Так что же в итоге? Несмотря на то, что Мостра-62 была посвящена столетию китайского кино, в основной программе оно прозвучало довольно слабо. Неудачно выступил и Парк Чен Вук, недавний фаворит Канна и любимец Тарантино. Зато на внеконкурсных просмотрах было показано чуть ли не семьдесят китайских фильмов — старых, отреставрированных специально к Венецианскому фестивалю. Несколько призов досталось французам — в том числе и Изабель Юппер за роль в фильме Патриса Шеро «Габриэль». Правда, лишнего «Золотого льва» отливали в срочном порядке, в последнюю минуту сообразив, что оставить божественную Юппер без приза было бы слишком несправедливым.

Дилара ТАСБУЛАТОВА.

«Золотой лев святого Марка» — фильм режиссера Энга Ли «Горбатая гора».

Фильм Джорджа Клуни «Доброй ночи. И удачи» удостоился награды за лучший сценарий.

«Золотой лев» за лучшую мужскую роль вручен актеру Дэвиду Стратэйрну.

«Золотой лев» за лучшую женскую роль достался Джованне Меццоджорно, сыгравшей в фильме «Звериное сердце».

«Серебряный Лев» был присужден французскому Филиппу Гаррелю за фильм «Постоянные любовники».

Специальным призом жюри награжден фильм «Мария» Абеля Феррари.

Победителем в программе «Горизонты» стал российский фильм «Первые на Луне» екатеринбуржца Алексея Федорченко.

Изабель Юппер

«ЕСЛИ ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТ, ЗНАЧИТ...»

III Алматинский международный фестиваль «Звезды Шакена» был посвящен дебютантам. Кино молодых представили как казахстанцы, так и заграничные конкурсанты. Поскольку фестиваль проводился под патронажем акимата южной столицы, то в нем приняли участие молодые кинематографисты городов-побратимов Алматы, таких, как американский Тусон или египетская Александрия. Жюри конкурса, возглавляемое Ермеком Серкебаевым, просмотрело 63 работы молодых режиссеров по пяти номинациям: «Игровое кино, длинный метр», «Игровое кино, короткий метр», «Документальное кино», «Анимация», «Видео-арт».

Демонстрация фильмов проходила в кинотеатре торгового комплекса Silk Way City.

Среди приглашенных – режиссер Питер Гринуэй, в рамках фестиваля была показана его новая лента «Чемоданы Тулса Лупера», Булат Мансуров, выступивший с первым показом своего фильма «Чингисхан», актриса Наталья Аринбасарова. Генеральный директор фестиваля – Венера Нигматулина.

В состав жюри входили: киргизский режиссер Актан Арым Кубат (Абдыкалыков), актриса Наталья Аринбасарова, киновед Бауыржан Ногербек, белорусский режиссер-документалист Александр Карнов.

ОТКРЫТИЕ!

7 сентября во Дворце Республики состоялась торжественная церемония открытия фестиваля «Звезды Шакена»-2005. Все прошло по всем правилам хорошего тона: вход во дворец устилала ковровая дорожка, белый лимузин подвозил гостей фестиваля, которых встречали толпы ценителей кино и, конечно же, журналистов. Сама церемония открытия началась с представления именитых гостей: отечественных и зарубежных кино-деятелей. Каждому из них была вручена золотая лента, которую они добросовестно появлялись на «звезду-шанырак», что символизировало народную примету – подвязывание ленточки на дерево, чтобы в будущем вернуться к нему. Затем церемония перешла от торжественной части к официальной: сразу же после слов организаторов об открытии было зачитано приветствие Президента Республики Казахстан, с напутствиями выступили мэр города Алматы, Имангали Тасмагамбетов и президент национальной кинокомпании «Казахфильм» Сергей Азимов. Последний в своем выступлении выразил радость, что в Казахстане есть целых два фестиваля, один из которых посвящен именно дебютному кино, что само по себе очень важно для развития отечественного кинематографа.

Главным лейтмотивом вечера звучала тема «Шелкового пути», а также творческого

пути Шакена Айманова. Всем собравшимся был представлен фильм-портрет Шакена Кенжетоевича Айманова, показаны кинозарисовки и о том, что теперь кино Казахстана, как когда-то «Шелковый путь», объединяет кинодеятелей стран ближнего и дальнего зарубежья. Не поскупился фестиваль и на подарки. Почетному гостю, британскому режиссеру Питеру Гринуэю хозяйка кинофестиваля Венера Нигматулина преподнесла антикварную статуэтку и тибетейку, расшитую драгоценными камнями. Асанали Ашимов награбил российского режиссера Булата Мансурова чапаном и национальным головным убором, который тот не снимал до конца вечера. Развлекательную часть представляли выступления звезд отечественной эстрады Розы Рымбаевой, Ермека Серкебаева, группы «Улытау», Каракат, ансамбля танца «Гулдер» и мастера горлового пения Едилы Кусаинова. Напоследок импровизированная группа, в состав которой вошли Рафаэль Валиев, Линда Нигматулина, Евгений Жуманов, Дильназ Ахмадиева, Макпал Исабекова и Медеу Арынбаев исполнила песню-посвящение Алматы. После концерта почетные гости и организаторы, как и полагается, продолжили праздник в неформальной обстановке.

Венера Нигматулина и Асанали Ашимов

ЦЕРЕМОНИЯ ЗАКРЫТИЯ

На церемонии закрытия были оглашены победители фестиваля.

Главный приз вручен российской картине «Граница» (ВГИК) режиссера Захави Санжави. В номинации «Игровое кино, длинный метр» лучшим признан казахстанский фильм «Жөшө» - «Тридцатилетний мальчик» режиссера Данияра Саламата. Он - выпускник Академии искусств, мастерская Акима Тарази. На протяжении 69 минут в фильме показывается судьба человека, отстающего в развитии и рассказывается, каково оно - наказание вечным детством.

Главный приз в номинации «Игровое кино, короткий метр» взял двенадцатиминутный израильский фильм «Мессия». Его режиссер Гай Дименштейн поднялся на сцену, где был одарен поцелуем Аринбасаровой и восторженно сказал: «Этот

фестиваль - удивительный! Все здесь удивительное». «Мессия» - о том, как на палестино-израильский блок-пост вдруг выходит благостный еврейский пророк...

«Лучшим документальным фильмом» стало кыргызское «Окно» Гаухар Сыдыковой. Но этого жюри показалось мало, поэтому первое место с названной лентой разделил «Паромщик» россиянина Сергея Литовца. Правда, его режиссерский дебют случился годом раньше, после фильма «Диалоги в электричке», да и сам режиссер немолод - ему 44 года, но зато тот отрывок фильма, что показали на церемонии закрытия, зрителям очень понравился душевностью и мастерской передачей атмосферы. Хотя не последнюю роль здесь сыграла и удачно подобранная музыка.

Расточительно вручив две первые премии докумен-

тальному кино, устроители и жюри решили не присуждать премий вообще работам в стиле «видео-арт». После, в кулуарной беседе с одним из членов жюри, я выяснила, что предоставленный материал оказался, по мнению людей компетентных, слишком слабым и «некиношным».

А вот приз за лучшую анимацию отправился в Беларусь. Именно оттуда - лента Елены Туровой «Иллюзион».

На закрытии много теплых слов было сказано о Шакене Айманове, в том числе его братом - Каукеном Кенжетаяевым: «Друзья мои, я очень рад, что каждый день слышу имя и фамилию своего родного брата. Как это хорошо! Жалко, что он так мало жил». Кенжетаяеву, а также Раисе Мухамедьяровой и Ларисе Аранышевой были вручены сертификаты и денежные призы. Ну, а «Кыз-Жибек всех времен и народов» Меруерт Утекешева на этом вечере была одарена ювелирным гарнитуром. Правда, сама она его не получила - не смогла прийти.

Если же говорить не о светской стороне мероприятия, а о живом кино, то живее всех живых оказались студенты Академии искусств, что за пять фестивальных дней под руководством опытных кинематографистов, проводивших мастер-классы, сумели создать трехминутный игровой фильм «Под ударами любви». Зрителям его продемонстрировали, и, право же, он оставил впечатление свежести и вечно ищущей (признаться, то, что давным-давно уже найдено) юности. Выступившая режиссер фильма Галина Журдецкая сказала: «Фильм наполнен желанием снимать кино и делать это всю свою жизнь».

Гай Дименштейн

18 сентябрь 2005

Фото Ермека МАМБЕТОВА.

Призер фестиваля Данияр Саламат

В Берлине состоялась церемония награждения призом Немецкой киноакадемии – «Золотой Лолой».

«ХОРОШИЙ СТИЛЬ – ЭТО КОГДА ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ...»

Главное событие нынешнего «киношного» лета в Германии – вручение Приза Немецкой киноакадемии – Золотой Лолы. Надо сказать, что приз немецкого кино присуждался в 55-ый раз. Особенность этого года – Золотую Лолу вручала Немецкая Киноакадемия – Deutsche Filmakademie, которая была учреждена в текущем году. Событие, конечно же, знаменательное и радостное. Номинально говоря, теперь есть кому возродить и пестовать свое национальное кино, ревностно следить за успехами и провалами «соперницы за океаном» – Американской киноакадемии и «союзницы» в Европе – киноакадемии Французской. В каких отношениях Золотая Лола будет со «старшими братьями» – соответственно – Оскаром и Сезаром, пока непонятно. Но есть определенная надежда, что выделяться будут кинопроизведения, имеющие большие отношения к искусству, а не к «кинокассе, национальной продукции, спросу, киноиндустрии» и прочему.

Пока же для немецкого кино, несомненно, важны «аутентичность истории, политическая ангажированность». «Над другими жанрами надо еще работать», – об этом говорили на церемонии награждения, в частности, актер Тиль Швайгер и молодая актриса (по мнению многих, красивейшая актриса немецкого кино) Мари Боймер.

Дани Леви

Вернуть определение «Большое» в национальное кино – большое кино, большая история, большие чувства – задача задач на сегодня. Пока же, откровенно говоря, чаще приходится видеть «хорошую мину при плохой игре». Об этом же говорили патриарх немецкого кино, давно «прописанный в Голливуде», Максимилиан Шелл и отцы-

основатели Немецкой киноакадемии – Бернд Айхенау, Ульрих Фетцберг (продюсеры) и Хельмут Дитль (режиссер и продюсер). «Нам нужны настоящие эмоции, настоящий драматизм». На том простом основании, что немецкому национальному характеру изначально свойственны глубина, философский подход к действительности. Европейский мир в силу своих корневых традиций гораздо сложнее американского, например. Есть над чем задуматься и работать. В том числе и самому демократичному из искусств.

«Золотая Лола», устроенная с большим размахом, прошла в Берлинской филармонии. Собрались все самые знаменитые и именитые. Общим числом 2200. Роскошная церемония, череда гостей в супердорогих вечерних туалетах, ставшая притчей во языцех всех фестивалей и других масштабных кинособытий – красная ковровая дорожка – в немецком варианте «Der rote Teppich». Улыбки звезд, способные очаровать неискuschenных, но – и изрядно напугать, однако, тоже. В этом плане, буквально

но «зарычав» на толпившихся поклонников, отличились Катя Римманн (замечания в скобках по поводу ее игры прошу убрать, не будем так уж обижать актрису) и звезда второго плана Коринна Харфух. Кроме них по красному ковру легко и непринужденно «пробежали» такие знакомые по экрану Тиль Швайгер, Хайке Макартц, Александра Мария Лара, Франк Потенте, Тило Прикнер, звезда Берлинале прошлого года Сибель Кекилли, Даниэль Брюль, оscarоносец-режиссер Флориан Галленбергер... И многие-многие другие. Как правило, «старые лвы» немецкого кино, переживающие «вторую весну» пришли с молодыми спутницами, и – наоборот. Открывая церемонию, президент Немецкой киноакадемии Сента Бергер коротко и удовлетворенно выдохнула: «Наконец-то и у нас есть своя Академия!»

По мнению компетентного жюри немецкому кино в прошедшем году было чем гордиться. Так ли это на самом деле? Нелогично и утопично было бы ожидать, чтобы награды давались «по уму и таланту». Очевидно, в современных условиях это неосуществимо в принципе. Здесь достаточно вспомнить результаты Берлинале этого года, где призы были розданы весьма своеобразно, скажем так – совершенно не считаясь с художественным уровнем картин. Политкорректность, к сожалению, давно уже стала уделом не только политиков и бульварных газет, но и художников. Собственно искусство служит не только и не столько Искусству. Тем не менее награды так или иначе бывают вполне заслуженными (ведь, как известно, даже случайность есть проявление непознанной закономерности) – все зависит от жюри, требований времени и текущего момента. Лола в этом плане делает только первые шаги. Удается ли ей изменить ситуацию? Ответа пока нет.

Показательно выступление Ирис Бербен – известной акт-

рисы, любимцы немецкой публики, в последнее время занимающейся документалистикой и помощью странам третьего мира, и в принципе – «дамы, строгой во всех отношениях». Она вручала Приз за лучшую мужскую роль. Номинированы в этой категории были: Ульрих Маттес (фильм «Der neunte Tag» («Девятый день»), Генри Хюбхен («Alles auf Zucker» («Сладко некуда!»), Август Диль («Der neunte Tag»), Бруно Ганц («Der Untergang» («Я бы перевела название как «Крах», но в «Киномане» я уже обнаружила рекламу фильма, который переведен как «Бункер», поэтому логично будет поставить «Бункер»)). В своей блестящей речи Ирис Бербен сказала: «Для меня лично все четверо номинантов являются главными героями сегодняшнего вечера

и все достойны главного приза. Поскольку их работы связаны с глубоким прошлым, с немецкой историей, с ее темными сторонами. Если конкретизировать, то в очередной раз исследовано время нацизма в Германии и «еврейский феномен» в Германии во всех его проявлениях. Не могу это не приветствовать, так как снова и снова, на мой взгляд, нужно напоминать о прошлом, о «закате» еврейской жизни и «конце» богатейшей еврейской культуры в Германии». Актер Генри Хюбхен, блестяще и с юмором «рассказавший» с экрана о проблемах современного немецкого еврея, стал счастливым обладателем вождя трофея.

«Золотую Лолу» за лучшую женскую роль вручал актер Тиль Швайгер, уверенно проторивший

Юлия Йеньч

дорогу в Голливуд и являющийся на сегодня, пожалуй, главным «глянцевым» немецким лицом на мировом экране. Тиль был немногословен: «Все три представленные к награждению картины показывают нам, насколько любые жизненные ситуации, проживаемые героями, могут быть предметом как трагического, так одновременно и комического рассмотрения. Будь-то семейная или социальная драмы или история борьбы против преступлений нацизма. Человеку все одинаково сложно пережить – решение умереть в движении Сопротивления (фильм «Sophie Scholl – Die letzten Tage» («Софи Шолль – последние дни»), сложный выбор в тяжелейших жизненных обстоятельствах (фильм «Kammerflimmern» («Сердечная недостаточность»), или рядовую и обыденную борьбу за наследство в еврейской семье (фильм «Alles auf Zucker» («Сладше некуда!»)).»

Номинированы на лучшую женскую роль были: начинающая актриса Джессика Шварц (фильм «Kammerflimmern»), уже заявившая о себе несколькими ролями Юлия Йенч («Sophie Scholl – Die letzten Tage») и ветеран немецкой сцены Ханнелоре Эльснер («Alles auf Zucker»). Золотой Лолой была коронована

Генри Хюбхен

Юлия Йенч, сыгравшая мужественную и непримиримую героиню движения Сопротивления. Надо сказать, что в этой номинации «гладкий» сценарий Золотой Лолы был немного нарушен: забега вперёд, можно отметить, что практически все главные призы взял фильм «Alles auf Zucker» режиссера Дани Леви. Поэтому логически было ожидать главного приза для Ханнелоры Эльснер. Хотя бы «за заслуги в немецком кино» – неизвестно, сыграет ли актриса еще раз подобную по масш-

табу роль. Но... Жюри виднее. Взволнованная, заметно дрожащая, заметно «замаксимальная» Юлия Йенч поблагодарила жюри и всех присутствующих за высокую оценку ее труда.

Приз «За лучшее музыкальное оформление» вручал режиссер Вим Вендерс (его давний фильм «Небо над Берлином» был любим многими). Он, как, впрочем, и многие выступавшие пожаловался со сцены на «долгие периоды депрессии» и т.д. Снимает сейчас Вим Вендерс мало, но по-прежнему красив своей вальяжностью и размеренностью. Приз за лучшую музыку к фильму достался Ники Райзеру за работу в фильме «Alles auf Zucker». Ники Райзер, в свою очередь, тоже посетовал на «длительные депрессии», но в этом фильме ему «работалось очень легко».

Особо следует выделить сюжет о великом немецком режиссере Райнере Вернере Фассбиндере. Как показываемое время, RWF был и остается главным героем, главным именем немецкого кино. В этом году ему исполнилось бы 60. Он словно сошел на пару минут с огромного экрана, где был показан фрагмент его интервью. Фассбиндер сказал с экрана: «Самая важная задача художника – довести

чувства в фильме до Абсолюта, хотя на самом деле, в реальной жизни, они могут быть и незначительными». Зал ответил RWF аплодисментами. В «реальной жизни» на сцену был приглашен один из постоянных и любимых актеров Фассбиндера Готфрид Йон: «Хотелось бы напомнить о невероятной продуктивности и работоспособности Райнера: он делал в год, как правило, по 4 фильма! При этом сам писал к ним сценарии. По сегодняшним временам это просто немыслимо. Современные авторы «дают себе гораздо больше времени». Готфрид Йон вручал Золотую Лолу в номинации «Лучший сценарий». Призом были удостоены сценаристы фильма «Alles auf Zucker» Хольгер Франке и Дани Леви.

Райнхард Хауфф, получив-

ший заслуженную награду за многолетний вклад в немецкое кино, сказал напутственные слова, в значительности и актуальности которых сомневаться не приходится: «Я обращаюсь к молодым: ищите свой собственный стиль. Хороший стиль – это когда есть что сказать!» Его слова были встречены бурными аплодисментами. Из чего следует заключить, что каждый в зале не сомневался, что ему действительно есть что сказать. Но не будем каламбурить и обратимся к несомненному герою торжества: Генри Хюбхен (Золотая Лолла за лучшую мужскую роль, фильм «Alles auf Zucker» («Сладше некуда!») – стоял на сцене филармонии спонтанно-счастливый, взволнованно-суетливый; в своей короткой речи он произнес «фразу вечера», сразу

подхваченную журналистами и растиражированную в бесчисленных заголовках: «Я победил Гитлера!», имея в виду своего конкурента Бруно Ганца (Гитлер в фильме «Der Untergang» («Бункер»). В принципе, можно было бы сформулировать еще точнее: «Я победил не только Гитлера!» – хотя, конечно, двусмысленность всегда менее политкорректна. Определяющее в другом – Deutscher Filmpreis был отдан в надежные руки. После церемонии награждения вся тусовка «Золотой Лолы» до глубокой ночи гуляла на дискотеке. Берлин мирно спал. А наутро киномир уже начал свою подготовку к зимнему киносвященнодействию – Берлинале-56.

Лилия ФИШЕР,
Берлин

ИЗ ОБЛАСТИ КОНКРЕТИКИ:

Лолла «стоит» 10 тысяч евро (денежный эквивалент, который получили все победители).

Фильм-победитель получил, кроме того, 500 тысяч евро.

Призы распределились таким образом:

- Лучший фильм – «Alles auf Zucker» («Сладше некуда!») режиссера Дани Леви.
- Лучший актер – Генри Хюбхен («Alles auf Zucker») («Сладше некуда!»).
- Лучшая актриса – Юлия Йенч («Sophie Scholl» («Софи Шолль – последние дни»)).
- Лучший режиссер – Дани Леви («Alles auf Zucker») («Сладше некуда!»).
- Лучшая актриса второго плана – Катя Риманн («Agnes und seine Brüder») («Агнес и ее братья»).
- Лучший актер второго плана – Бургхарт Клауснер («Die fetten Jahre sind vorbei») («Лучшие годы позади»).
- Лучший сценарий – Хольгер Франке и Дани Леви («Alles auf Zucker») («Сладше некуда!»).
- Лучшая операторская работа – Ханс-Гюнтер Бюкинг («Schneeland») («Снежная страна»).
- Лучший монтаж – Дирк Грау и Мартин Хоффманн («Rhythm is it!») («Это – ритм!»).
- Лучший художник-декоратор – Ари Хантке («Der neunte Tag») («Девятый день»).
- Лучший художник по костюмам – Лючия Батес («Alles auf Zucker») («Сладше некуда!»).
- Лучший композитор – Ники Райзер («Alles auf Zucker») («Сладше некуда!»).
- Лучший звукооператор – Грегор Кушель («Touch the sound») («Прикосновение»).
- Лучший документальный фильм – «Rhythm is it!» («Это – ритм!») режиссеров Уве Диркса, Томаса Грубе и Андреа Тило.
- Лучший детский фильм – «Lauras Stern» («Звезда Лауры») режиссеров Тило Роткирха и Майи Роткирх.
- Почетный приз – режиссеру Райнхарду Хауффу.

Катя Риманн

Я предложила ему на выбор круг, треугольник, квадрат и зигзаг. Спросила, какая из фигур больше нравится. Тунгышбай Кадырович выбрал треугольник - без промедления. Как утверждают психологи (а наш очередной герой, как вы уже догадались, подвергся психологическому тестированию), «треугольники» - энергичные, неуправляемые, сильные личности, ставящие перед собой ясные цели и, как правило, достигающие их! «Треугольник» - символ лидерства! Эту фигуру выбирает уверенный в себе человек, желающий быть правым во всем. Доминирующая установка в любом деле - успех, победа, выигрыш! «Треугольники» заставляют всех и вся вращаться вокруг себя, без них жизнь потеряла бы свою остроту.

Вот что мы узнали с помощью незатейливого теста. А теперь давайте воспользуемся прекрасной возможностью и узнаем от известного казахстанского актера театра и кино Тунгышбая Жаманкулова, стоит ли доверять психологическим тестам...

ТУНГЫШБАЙ

- Тунгышбай Кадырович, расскажите о вашем детстве.

- Я из многодетной семьи, самый старший. Казалось бы, раз так вышло, то должен помогать родителям, а я, к удивлению, взял и пошел в искусство - посвятил себя этому гиблому делу.

- Как вы думаете, ваш выбор был случайным или он определен генетически?

- Сейчас я задумываюсь об этом очень часто. Сдается мне, что произошло это неспроста. У моих родителей было одиннадцать детей, но выросли, воспитал меня мой дедушка, большой знаток казахского фольклора, с богатым словарным запасом, широким кругозором. Он был человеком с хорошим чувством юмора: знал множество шуток-прибауток, баек, легенд - национальных колоритных. Звали его Жаманкулом, отсюда и моя фамилия. Дедушка - из Южного Казахстана. А вообще мои пра-пра-корни из-под Ташкента города Шаш. В нашем генеалогическом древе значится великий человек казахской государственности - Толе би. Сами знаете, в свое время Толе би был, говоря современным языком, мэром Ташкента, правил там около двенадцати лет. Он был верховным судьей Казахского государства, воспитал Абылай-хана.

Мой отец, придя с фронта, окончил ташкентский железнодорожный техникум, стал участником строительства ветки «Мойынты - Чу». Строительство ее завершилось

в 1955 году. А родился я в 1948 году - сами понимаете, все детство прошло в постоянных разъездах, сплошная железная дорога... и одиночество. Мы жили в строительных отрядах, где на несколько семей я был единственным ребенком. Потом, через три года, у меня появилась сестренка, затем стали появляться следующие, следующие. Я был старше, и мне с ними было неинтересно. Я предпочитал быть один. Так продолжалось до той поры, пока я не пошел в школу.

- Каким вы были ребенком?

- Закрытым, необщительным. Именно из-за этого сначала в первом классе я учился очень плохо, но затем вдруг моя сущность прорвалась наружу и неожиданно для всех я сделался отличником. Из-за постоянных, бесконечных переездов все десять классов я учился в разных школах. В 1956-57 году мы переехали в Тараз, тогда он назывался Джамбул, и там я остался у бабушки с дедушкой, на маленьком разъезде. Школу окончил очень хорошо. Увлекался математикой, литературой, физикой, химией, рисованием, очень любил пение, в 9-м классе начал писать стихи, как все ребята моего возраста. А играть на домбре я научился самостоятельно еще в пятом классе. Так до сих пор и играю - не по какой-то поставленной школе, а сам по себе, по слуху.

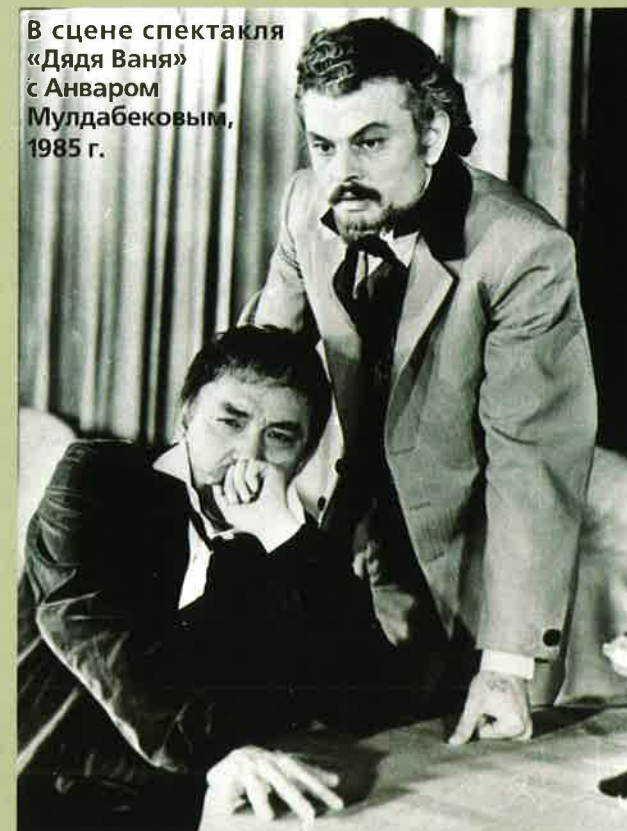
- Чем скрашивали детское и юношеское уединение?

- Домброй, а еще - любил бродить по железной дороге. Под железной дорогой бывают мосты, я любил залезать под них и ждать поезда. И когда, наконец, он проходил прямо надо мной, я переживал необычайное состояние, находя в стуке колес своеобразную поэтику. Кроме того, моим развлечением были книги. На самом деле, несмотря на то что я рос в уединении, скучно мне никогда не было. Я пас вместе со своей бабушкой ягнят. С четвертого класса стал выступать на сцене, участвовал в школьных спектаклях, пел, играл на домбре, мандолине. Очень жалею, что никто тогда не догадался купить мне гитару - обязательно научился бы на ней играть. Со временем у наших соседей появились дети, стал общаться с ними. Собственно, благодаря этому у меня такой неплохой русский язык.

- Скажите, не противились ли ваши родные тому, что вы выбрали творческую специальность?

- Мой дедушка абсолютно не противился, видел во мне актера, еще когда я учился в средних классах. Прошло время, я стал взрослее и стал сомневаться: а смогу ли взять и рассмешить человека? Смогу ли сделать так, чтобы, видя мою игру, он то плакал, то радовался - выражал именно ту эмоцию, которую я от него жду? Сомнения усиливали и то обстоятельство, что в девятом-десятом классе я стал стремительно расти и вырос до метра восьмидесяти пяти сантиметров в то время, когда

В сцене спектакля «Дядя Ваня» с Анваром Мулдабековым, 1985 г.

все мои сверстники были еще совсем маленькими. Это меня удручало, я начал стыдиться такой высоты, очень сильно сутулился. Ой, в то время у меня была очень несуразная фигура! Стал еще скрытнее. А разве артист может быть таким? Нет! Подумал, взвесил все и сказал себе: «Тунгышбай, стоп! Куда уж тебе? Лучше иди и получай обыкновенное посильное образование!» А в Джамбуле был, и сейчас он есть, Гидромелиоративно-строительный институт. Пошел туда, сдал все экзамены и поступил на механический факультет. Но в этом вузе я проучился всего три года...

- Что же случилось потом?

- Когда я учился на втором курсе, в наш театр приехал корифей казахского театрального искусства, один из первых профессиональных режиссеров, народный артист, педагог, профессор Аскар Токпанов. В Джамбуле он собирался ставить спектакль «Абай» по Мухтару Ауэзову. И тут, действительно, пути Господни неисповедимы... Оказалось, что он хорошо знаком с директором моей бывшей школы Еримбетом Конакбаевым, родным дядей Серика Конакбаева. Аскар Токпанов в то время искал молодого человека, не то ученика, не то еще кого, для спектакля. Они разговорились... Директор вспомнил обо мне - что я играю на домбре, был запевалой в хоре, а на больших переменах пел песни в школьной радиорубке. В итоге они меня нашли на площади рядом с институтом, сидящим на скамейке и готовящимся к экзамену по теоретической механике. К тому времени

Сцена из спектакля «Каин, сын Адама», 2000

я уже стал следить за собой, убирать сутулость, занимался баскетболом, боксом, велоспортом. Токпанов увидел меня, спрашивает: «И ты что, инженером хочешь быть?» Я гордо отвечаю: «Да!» «На земле миллион инженеров, и ты хочешь быть одним из этого миллиона? Как такой человек, как ты, может в техническом вузе учиться? Что ты здесь делаешь?!» Эти слова запали мне в душу, разбудив спящую до поры до времени «дурь» — притяжение к искусству! Одним словом, он пригласил меня на репетиции... Взял и испортил человека! (Тунгышбай Кадырович вплеснул руками). Об учебе я и думать перестал, сутками просиживал возле театра, и оценки мои стали скатываться. Сначала на «четверки», потом на «тройки», а однажды я вообще забыл прийти на экзамен! В общем, второй курс я окончил на «халам-балам». А ведь до близкого знакомства с театром я сдавал сопромат и высшую математику исключительно на «отлично»! Начался третий курс, Аскар Токпанов мне и говорит: «Давай, приезжай, я приму тебя в театральный институт сразу на третий курс». Я съездил в Алма-Ату, но безрезультатно. Вернувшись, продолжил учебу. Однако через некоторое время «дурь» опять взяла верх, и я решил вернуться в столицу. На разведку — не стал отчисляться из своего Гидромелиоративного... Приехал, а тут как раз набирала курс Хадиша Букеева. А я без документов (они же в моем джамбульском институте лежат). Меня могли даже до экзаменов не допустить, но я ходил и упорно всех там пытал:

есть ли у меня данные и шанс поступить, стоит ли бросать технический вуз? Никто не отвечал ничего конкретного. Только один человек, член приемной комиссии, сказал: «Ну, ты что? Посмотри, кто пытается с тобой конкурировать, а потом посмотри на себя. Конечно, мы на тебя ставку делаем!» Мне этого хватило. Вернулся домой, забрал документы из института и поступил во втором потоке в Театральный институт. Это было такое счастье, такое событие в моей жизни! Это были такие дни! Я никогда их не забуду!

— Как пошла учеба?

— А дальше начались творческие муки! Первый-второй курс мне было очень сложно, очень. Бывали такие дни и ночи, когда я в буквальном смысле слова рыдал и думал: «Зачем я это сделал, зачем я бросил институт?». Но у меня была надежда на восстановление. Друзья утешали: «Потерпи, не сразу все получается». Невозможно было спросить совета и у Аскара Токпанова, его ведь не было рядом, он работал в джамбульском театре.

— В чем проблема-то была?

— Мне в ту пору исполнился уже 21 год, и те наивные школярские этюды, что заставляли нас делать, были противостественны моей натуре, не соответствовали моему развитию. Хадиша Букеева приходила в транс, когда видела меня: «Ой-бай, зачем мы его приняли?». Я слышал это и отвечал: «Ой-бай, зачем я пришел?». Но все-таки решил потерпеть один год, если же и дальше ничего не получится, восстановлюсь в прежнем вузе.

И тут случилось чудо: на втором курсе началась работа с текстом. Для меня это было близко: писал стихи, очень любил литературу. Стал выступать. Гляжу, у Хадиши-апай зрочки заблестели. Начал раскрываться. А все потому, что стал оправдывать свои действия на сцене благодаря слову. Стоит отметить, что казахский театр — это театр слова, слова здесь превращаются в действие, система Станиславского в казахском театре почти не нужна, настолько действенны слова. Вы и сами знаете, наверное, замечали, когда казахский актер говорит — в театре, в кино, у него минимальное количество жестов. Казахи никогда не делают так, как желаемое это усилилось, когда к нам на курс пришли великая Кыз-Жибек — Меруерт Утекешева. Помню, помогал ей по дополнительным гуманитарным предметам: истории партии, марксистско-ленинской теории. Для меня они сложности не представляли, я их в техническом вузе изучал, а она — вчерашняя школьница (задумался)... Мы все ее любили. Очень красивая! Киноактриса! Мастерства признала меня актером. Не веришь? Сначала, но так оно и произошло. Как получилось, никто не осмеливался подойти... А она — бах! — на втором курсе вышла замуж! — за Толегену! — и мы так сильно хотели стать актерами, что пропустили все успокоились (смеется). Она работала в кино, тот переломный момент, когда действительно и в моей душе, конечно, возник вопрос: «Когда же и я снимусь?». Режиссеры приглашают, доходит дело до фотопроб: не подхожу! Что такое? «пятерки», а закончил я театральный с отличием!

Сцена из спектакля «Последние дни Абылай-хана», 1996 г.

Со второго же курса Хадиша-апай устроила меня в казахский театр диктором-переводчиком, потому что говорил по-русски без акцента. Позднее мне это помогло, примелькался режиссерам. Так, однажды Кадыр Жетпизбаев поинтересовался, что за парень приходит в театр каждый вечер, ему сказали, что я — студент Хадиши Букеевой. И на третьем курсе мне уже доверили небольшую эпизод в спектакле. А сразу после института Азербайджан Мамбетов принял меня в труппу казахского театра.

— А как вы попали в кино?

— Всю жизнь мечтал сниматься. Еще в детстве, когда смотрел «Бродягу»... Кино казалось мне мечтой, но только когда поступил в Театральный, участие в съемках стало обретать реальные черты. Желание это усилилось, когда к нам на курс пришла великая Кыз-Жибек — Меруерт Утекешева. Помню, помогал ей по дополнительным гуманитарным предметам: истории партии, марксистско-ленинской теории. Для меня они сложности не представляли, я их в техническом вузе изучал, а она — вчерашняя школьница (задумался)... Мы все ее любили. Очень красивая! Киноактриса! Мастерства признала меня актером. Не веришь? Сначала, но так оно и произошло. Как получилось, никто не осмеливался подойти... А она — бах! — на втором курсе вышла замуж! — за Толегену! — и мы так сильно хотели стать актерами, что пропустили все успокоились (смеется). Она работала в кино, тот переломный момент, когда действительно и в моей душе, конечно, возник вопрос: «Когда же и я снимусь?». Режиссеры приглашают, доходит дело до фотопроб: не подхожу! Что такое?

Оказывается, не нравились мои антропологические данные южного казаха, близкие к узбекским. В то время было модно снимать типичных казахов. Я типически не подходил и здесь уж был бессилён. И опять во мне эта грусть-тоска...

В 1978 году Мамбетов совместно с московским режиссером Мастюгиным начинают снимать фильм «Кровь и пот». И вдруг мне предлагают главную роль — Танибергено. Претендентов, кроме меня, пятеро: Ашимов, Чокморов, Молдабеков, Тастанбеков, Кудайбергенов — все звезды... А победил я. Оказалось, автор романа Абдижамил Нурпеисов посмотрел на мое фото и сказал: «Это — он». Правда, для этого пришлось меня немного «оказашить»: выщипали мне брови, нарисовали их значительно ниже, гуще. В итоге все получилось замечательно. Так на «Казахфильме» появился новый актер — Жаманкулов. Я играл богатого образованного человека, мурзу. Тут, видимо, гены во мне и заговорили. Настолько, что меня спрашивали: «Кто ваш дедушка?». Если бы они знали, что он — чабан, а отец — железнодорожник, мама — домохозяйка, мать-героиня (смеется)... До этого приходилось как-то сниматься во второстепенной роли, но работа в фильме «Кровь и пот» — мой первый успех в кино. Потом начались съемки картины «Гонимые спешат», там я сыграл хана. После этого стал сниматься постоянно.

— Есть ли разница для актера, где играть — в кино или театре?

— С профессиональной точки зрения разницы

никакой. Необходимо только уметь различать зрительный зал и камеру. Но все же некоторые специфические различия есть. В театре актер играет вживую от начала и до конца, при этом чувствует отношение, реакцию зрителя без посредников, ощущает, если что-то не дотянул или переборщил, и в следующий свой выход все учтет и сделает лучше. Кино же искусство фотографичное и в этом отношении оно более жестоко. Актер сыграл, его сняли, и все: поправить ничего невозможно.

- У вас есть режиссерские постановки в театре. С чем это связано?

- У всех актеров есть тайное желание: поставить спектакль или снять фильм. Когда человек долго занимается актерским мастерством, у него появляется свое видение. Пришло время, и я перестал соглашаться с нашими театральными режиссерами. За окном - современность, а мы все еще работали по устаревшим меркам. Мне казалось, что по самым скромным подсчетам мы отстаем лет на десять и что самое ужасное, мы стали недотягивать до интеллектуального развития зрителя. Я пытался своей актерской игрой тянуть режиссера, но сами понимаете - один в поле не воин. Да, на меня обратили внимание, но сам спектакль не

С сыном Аксултаном, 2000 г.

изменялся по общему уровню. Мне очень хотелось, чтобы наш театр шел в ногу со временем. Так у меня появилось желание самому попробовать себя в режиссуре.

Вообще-то я человек несмелый, немного осторожный. Весы по гороскопу. С одной стороны, мне это мешает: «А вдруг лучше так, а не эдак...», - сижу и взвешиваю. Нет, чтобы как Наполеон: «Главное ввязаться в бой, а там уже посмотрим». Я же всегда после до-о-олгих размышлений принимаю решение. Так случилось и с режиссурой: только когда в 1993 году меня назначили директором театра, я начал этим заниматься. Получил это назначение, дабы восстановить театр после некоторого творческого разложения, застоя. Для этого нужен был такой беспокойный человек, вроде меня. С 1979 года я преподаю в театральном институте. Я - профессор. Сейчас там не работаю, оказалось, что не подхожу. А между тем я преподавал 22 года, подготовил около ста артистов. По меньшей мере, 12 человек, которые поднимают весь творческий груз в театре Ауэзова - мои ученики. Много моих учеников работают и в Астане, и в Таразе, и в Семипалатинске. Конечно, в них я вложил частицу себя: научил не слепо следовать режиссеру, а быть наравне с ним, чтобы творить, а не быть марионеткой в его руках.

- Какой вы человек по складу характера?

- Боец. Иногда желание повернуть все в другую сторону, подняться на новый уровень, экспериментировать, падать и вновь вставать мне сильно мешает. Но я не могу довольствоваться единичным успехом и почивать на лаврах. Да, я - народный артист Казахстана, лауреат Государственной премии Республики Казахстан. Но разве это предел развития?

- Любимая роль в кино?

- Безусловно, первая большая роль Танибергана, потом серьезная роль правителя Отра, Каирхана в фильме Ардака Амиркулова «Гибель Отра». После нее мне уже можно умирать. В глубине души, тайно, я горжусь этими ролями. Это был продукт коллективный: там каждый сыграл свою роль. Не только я, но и режиссер, сценарист, монтажеры.

- Вы благодарны судьбе?

- Благодарен судьбе, Богу, своим родителям, тому, что меня уважает и ценит народ, что из меня получился художник. Благодарен кинематографу, что вывел меня в то измерение, где я сейчас нахожусь, заставив тем самым такой серьезный вид искусства, как театр, обратить на меня внимание.

- Вы глава семейства, можно ли поподробнее...

- После того, как мой отец в 1980-м году погиб в автокатастрофе, я остался во главе большой семьи. Десять братьев и сестер, их дети, мои дети... Всех нужно ставить на ноги, выводить людей. Этим я до сих пор и занимаюсь. Я бульдо

зер, БТР в своей большой семье, тяну всех и пока мне это удается. Все у меня получили высшее образование. Всем я сделал свадьбы. Но сами понимаете, жизнь с каждым днем все сложнее и сложнее. Сейчас у меня два внука и две внучки от детей от первого брака: двух сыновей и дочери. От второго брака у меня двое сыновей - младшему скоро будет два года, он родился в день моего рождения - 2 октября. Своей жене я тогда сказал: «Ты родила мне сына в мой день рождения, чтобы я не отмечал свой день рождения, не считал свои годы. Теперь 2 октября нет моего дня рождения, есть только у моего сына».

- Кто помогает вам со всем этим справляться?

- Бог, наверное. Он дает мне силы.

- В чем заключается, по-вашему, человеческое счастье?

- Знаю точно: счастье заключается в деле всей жизни. Для меня это - искусство: театр, кино, мои роли. Люблю свою профессию. Правда, становится больно и грустно, когда она остается невостребованной, когда людей начинают волновать только деньги, деньги, деньги. Экономика идет вверх, а Его величество Искусство остается на прежних позициях. Если вообще не падает все ниже и ниже... Всю эту грусть мне компенсируют только аплодисменты, только внимание простых людей, моих зрителей.

- Что значат для вас деньги?

- Меня гложет, что все мы, актеры, несвободны. А деньги, если немного пофилософствовать, это - свобода. Я это понял. За границей самые богатые люди - артисты, врачи, юристы. У нас не так. Если бы наше общество признавало нас по достоинству, мы были бы миллионерами. Не зря я выступаю по поводу неправильных финансовых распределений в «Кочевниках». Ведь нас там не то чтобы унизили, нас там растоптали. В западном кинопроизводстве до 60% бюджета предназначено для гонораров: актерских, режиссерских и так далее. А у нас с точностью до наоборот. Сначала вся верхушка набивает себе карманы, потом, что осталось - лошадям, а что от них осталось - уже артистам. Это в корне неправильно, несправедливо. И от этого очень больно.

Может быть, кто-то из моих оппонентов и считает меня скопидомом, думая, что все, что я делаю - все из-за денег, но он ошибается. Просто свои деньги я отождествляю со свободой. Если артист будет думать о финансовых трудностях, бытовых вещах, он не будет артистом в полном смысле этого слова. Снобы те, что говорят: «Людей искусства нужно держать впроголодь». Я воспринимаю это как издевку. Артист, художник должен быть свободен. Так, чтобы не думать ни о чем постороннем, а заниматься всецело творчеством. Только тогда будут созданы шедевры.

- В чем, по-вашему, предназначение актера?

- Предназначение актера - не просто развлекать. Это непростая профессия. Стать актером - это поступок. Актер - личностная профессия, беспокойная. Актер должен быть в гуще событий, человеческих катаклизмов. Должен быть подкован во всем, даже в экономике. Быть беспокойным оратором, все приводящим в движение - вот предназначение актера. Он - огненный шар, излучающий свет. Кому-то он согреет сердце, а кого-то и сожжет дотла.

- Ваша мечта?

- Чтобы восторжествовала справедливость, и все стало на свои места. Чтобы наши артисты были счастливы и свободны. Чтобы наши актеры были миллионерами, а режиссеры - мультимиллионерами. Пусть снимают величайшие картины и со мной и без меня, чтобы их знали и за рубежом, и у нас. Чтобы наши старания не прошли даром. Чтобы в тот промежуток времени, что мы живем на этом свете, остался наш след. Мы все ответственны за то время, в котором живем и за то, каким оно будет...

Беседовала Татьяна ЧЕРНОУСОВА.

Фото из личного архива Т.Жаманкулова.

С сыном Аксултаном и супругой Дарией, 2005 г.

Вокальные параллели

В фильме нет больших идей, воплощенных в сюжете. Несколько классических арий исполняют казахские оперные певцы. Некая женщина (Рената Литвинова) сидит на горе и рассуждает об оперных голосах, данных как божий дар. Одетая в белую меховую шубку героиня прогуливается по дикой казахской степи и декларирует афоризмы и метафоры о человеческом голосе и природе культурной памяти, которая почти исчезает в пучине истории.

Структура ленты построена как фильм-концерт. Каждую арию режиссер поддерживает образной выдумкой, героиня Ренаты Литвиновой маленькая

драматической кодой. Очень короткий, но достаточно насыщенный фатальной метафорой фильм.

Рустам ХАМДАМОВ

9 часов утра. Мы с Ермеком, нашим фотографом, на «Казакфильме». Ждем съемочную группу Хамдамова.

Через час подкатил микроавтобус. Два парня, по-видимому ассистенты, принялись активно загружать его досками, ящиками и вместе со всем прочим засунули туда две соломенные конские головы. Потом погрузились и мы с фотографом, затем — гример, реквизитор, невыясненной специальности девушка (кстати, спросившая, не террорист ли я).

С самого начала, когда мы еще договаривались о допуске на съемки, нас в категоричной форме оповестили, что к Хамдамову с какими бы то ни было вопросами подходить нельзя. Объяснив это тем, что режиссер избегает журналистов.

С таким багажом вещей и мыслей мы тронулись в путь. Дорога лежала в Бурундай, на полузаброшенный кирпичный завод. Ландшафты за окном были скучнейшие, местами напоминая лунные. Внутри же автобуса периодически притягивало мое внимание болтавшееся на поручне свадебное платье, зачем-то набитое скомканными газетами. «Может, чтобы не помялось», — подумал я и погрузился в дальнейшее созерцание.

Вот и завод. Где-то в отдалении уже толпится народ: похоже, вторая часть съемочной группы добралась до места назначения «своим ходом». Знакомлюсь с диспозицией: редкие заводчане в робах цвета хаки, лениво дремлющие псы...

И так как-то незаметно в поле зрения очутился новый персонаж — вроде бы человек как человек, бросились в глаза лишь нереальная мягкость и нечто такое, что вообще трудно сразу объяснить. Что-то явно необычное было в незнакомце. Немолод, черноволос с проседью, очки в тонкой оправе... Только потом я сообразил, что это и есть Хамдамов. Режиссер зашел в микроавтобус, взял белое платье и ушел. Мы — за ним, как оказалось, в помещение давно заброшенного цеха. Из диалога Хамдамова с оператором стало понятно, что сейчас подожгут платье. Хамдамову надо будет

пронести его горящим в руках, а оператору - проследить за ним камерой, снимая только самый низ. На экране должно создаться впечатление, будто охваченная огнем женщина, пытаясь спастись, выбегает на улицу. Оператор, Сергей, обращается ко мне: «Рома, какое у тебя образование?» - «Высшее», - говорю. - «Давай, будешь поджигать газету и бросать ее снизу, из-под камеры, но так, чтобы платье не загорелось. Оно должно загореться только чуть дальше». Выслушал я также пожелания Хамдамова: «Чтобы это была не совсем горящая бумага, а скорее тлеющая. И в то же время газета совсем непохожая». Действительно - платье горит, при чем здесь газета?

Предварительно поджигаю газету. Все «мотор!», началось. Бросаю пылающую бумагу как мне было сказано, стараюсь не поджечь платье да и самому не обжечься. Дальше уже второй «высшим образованием» поджигает само платье Хамдамов, держа его в руках, проходит в комнату. Какая-то часть платья падает. Языки пламени пола достают до колен. Но оператор верен заданной установке и, не жалея своих брюк, проходит сквозь огонь дальше, за Хамдамовым. Потом остальные горящие куски падают на землю. Два человека склоняются над ними. Платье сгорело за считанные секунды. Выражение лиц было у обоих примерно одинаковое. Еще немного - они, наверное, почесали бы затылки. Но у одного в руках была камера, а другой слишком интеллигентен для такого рода проявления чувств.

После перерыва началась подготовка к съемке второго эпизода - с участием Эрика Салим Мерьюэрта (Курмангалиева). Пользуясь случаем, хочу взять интервью. Спрашиваю, где певец. Отвечают, что в микроавтобусе, гримируется. Подхожу к окну, всматриваюсь. Не могу понять, кто там: бойкая женщина или все-таки тот, кого я ищу. Вдруг объект изучения поворачивается в моем направлении и спрашивает гримера: «А что это он так на меня смотрит?» «Нравится, наверное», - отвечает та. Чтобы внести ясность, захожу в автобус, здороваюсь, представляюсь и далее разпространяюсь о том, что хотел бы взять небольшое интервью. Девушка-гример категорична: «Эрик никак невозможно в данный момент, Эрик будет переодеваться». Салим Мерьюэрт (Курмангалиев) «Вы не против, если я буду разговаривать голый».

Выдавливая, что это вовсе не обязательно можно и в одежде. Решаю про себя, что лучше выберу другой момент для интервью. Несколько позже на середине дороги я увидел женщину, которая, подбоченясь, элегантно курила, о чем переговариваясь с сидящими в «КамАЗе» парнями. Подхожу, вновь повторяю свою просьбу для интервью. И слышу в ответ: «А почему бы вам не взять интервью у тех двоих молодых людей, которые сидят вон в той машине?» - «Да, но они ведь снимаются в кино!» - «Ну а вы снимитесь!» - «Они не настолько фотогеничны, как вы...» Похо-

же комплименты никогда не выходят из моды, и наконец-то Эрик соглашается.

- Кто вас пригласил на эту роль?

- Эта была идея Галины Кузембаевой (генерального директора Gala-TV), которая захотела снять меня в кино, сделать фильм с моим участием. Вот, собственно говоря, и возникла из этого история.

- Проект, как я знаю, возобновлен после долгой паузы?

- Мы начали сниматься семь лет назад. До сих пор снимаемся. И... его знает, что из этого получится.

- Вы читали сценарий?

- Сценариев абсолютно, совершенно никаких сценариев я не читала. Что мне говорит режиссер Хамдамов, то я и делаю.

- А вы даже не знаете, про что это фильм?

- Не знаю, про что это будет.

- А кого вы там играете?

- Да какую-то казашку из аула, которая пасла овец все детство.

- А потом?

- А потом стала певицей оперной, именно оперной.

- Мне сказали, что будет что-то вроде мюзикла, оперетты. Вам не претит легковесность жанра?

- Нисколько. Я же там... не делаю.

- Но вы там поете?

- Конечно. Я вообще-то оперная певица, если вам известно.

- Известно. Но я и правда вас не сразу узнал, вы так вошли в роль.

- В смысле?

- Называете себя в женском роде...

- А почему бы и нет? Собственно говоря, чем я хуже!

Наступило время обеда. В одноразовые пластиковые тарелки всем подряд, невзирая на звания и заслуги, накладывают макароны с мясной подливкой, изрядно приправляя каждую порцию морковным салатом. Хамдамов сидит на скамейке с Розой Джамановой, они о чем-то неторопливо беседуют. Со стороны заметно, как внимательно он вслушивается в слова Розы Умбетовны.

После обеда я подошел к нашей знаменитой певице, обладающей голосом «редкого серебристого тембра» (так о Джамановой пишут в энциклопедиях) и спросил, как она себя чувствует на съемочной площадке, не контрастируют ли здешние порядки с той камерной атмосферой, к которой она привыкла в театре?

- Хамдамов - очень мягкий, доброжелательный человек, умеет ладить с людьми, быстро работает. Вообще настоящий профессионал. Я даже должна признаться, что очень его люблю и только рада тому, что пришлось так близко с ним познакомиться. В процессе работы я узнала - оказывается,

Эрик Салим Мерьюэрт (Курмангалиев)

есть и такие люди, как он: очень простой и ... в то же время – талантище! Так что я рада изображать кого бы то ни было.

– А кстати, кого вы играете?

– Старушку. Я сама старушка – старушку и играю.

– Старушку, которая поет?

– Да, я пою монолог Чию-Чию-Сан, потом «Прощание», «Тоску».

– А у вас – главная роль или второго плана?

– Здесь, по-моему, у всех – главные: у Эрика, у меня, у Араксии Давтян, замечательной певицы из Армении, у Бибигуль Тулегеновой.

– Получается что-то вроде музыкального фильма?

– Несколько лет назад Рустам пришел к нам в Оперный театр, встретился со мной. Я тогда уже там не выступала, только работала с молодыми певцами. Он сказал, что раньше слышал, как я пою, и хотел бы задействовать меня в своем новом проекте. В первые дни съемок у меня сложилось впечатление, что он хочет снять клип на классику. И только сейчас, по прошествии стольких лет, узнала, что снимается полноценная игровая картина. Что получится, не знаю, сценарий я не читала, но Рустам уже возил некоторые отрывки в Италию. Там понравилось. Особенно то, что поет казахская старушка, да еще и по-итальянски.

– Мне кажется, вам самой нравится принимать участие в съемках?

– Да, очень интересно. Еще давно, когда меня гримировали под Чию-Чию-Сан – не то что сейчас (Роза Умбетовна сидела в фуфайке и платке), я посмотрела на себя и мне так стало жалко, что не встретила с Рустамом раньше, когда была молодой, пела на сцене. Грустно, что снимается такой фильм, а ты уже в возрасте. Ну да ведь говорят же – лучше поздно, чем никогда.

После этих слов мы с Розой Джамановой

Роза Джаманова

поднялись со скамейки и отправились по скользкой тропке, чтобы присоединиться к остальным. Готовился один из основных эпизодов дня – горящий человек. Для этой цели пригласили профессионального каскадера – Бохадур Джалметова.

– Бохадур, что за трюк планируется сейчас?

– По сценарию, загорается Бибигуль Тулегенова, народная артистка СССР. Конечно, сама она гореть не будет. Для этих целей пригласили нас, профессиональных каскадеров, из Ассоциации каскадеров РК. Сейчас ждем, когда уйдет солнце, в темноту огонь лучше видно.

– Технически это сложно выполнить?

– Да. Если прорабатывать только техническую часть, как это делают, например, на Западе, то там без особого снаряжения и не подходи, страховые компании не допустят. Огонь есть огонь. Мы же все делаем дедовскими методами. В финансовом плане это требует гораздо меньших денег, а в итоге эффект получается не хуже, если не лучше. Сделанное нашими руками надежнее, во всяком случае – для нас.

– Расскажите о своем снаряжении.

– Для трюка нужен специальный костюм, мы обрабатываем его особым составом – смесь бензина с соляной кислотой, еще кое-какие компоненты добавляем.

– А как же лицо, руки?

– Чтобы не получить ожог, на лицо и руки накладываем слой глины.

– Ощущаете ли вы сейчас, перед выполнением, страх или хотя бы мандраж?

– Страх нет, а мандраж – он всегда есть. Если нет мандража, значит, человек – просто дурак. А так – профессия каскадера – это профессия.

В любой работе есть риск. Возьмите, к примеру, швею: она может прорезать себе палец. Это тоже опасно, но со временем, когда они уже много лет шьют, то во время

Бохадур Джалметов

работы делают всякие посторонние дела, разговаривают. Одним словом, опыт.

– А где обучают каскадерскому ремеслу?

– Специальной школы или института нет. Ты попадаешь к мастерам, корифеям этого дела. Они с тобой работают, в общем – штучная работа.

– Вы, наверное, пришли в каскадеры из спорта?

– Нет, я из музыки пришел. В опере пел.

– А почему бросили?

– Подумал, что не мужское это занятие.

– Сейчас не жалеете?

– Нет, нисколько. Когда приходишь в это дело, трудно из него потом выйти. Больших денег в этой профессии не зарабатываешь, во многом все держится на энтузиазме.

По окончании разговора Бохадур надел нечто, напоминающее шинель без воротника. Потом до пояса обмотался белой хлопчатобумажной тканью. Из ведра, что стояло неподалеку, зачерпнул глину и намазал ею лицо и руки. Другие каскадеры помогали, накладывали на балахон такой же слой глины. Дальше пошел в ход особый горящий раствор, газет. Хамдамов с оператором залезли на небольшую горку, нашли план и встали неподвижно. Команда «мотор!». Каскадера поджигают. Страшное зрелище – человек в одно мгновение вспыхивает как факел. Он бежит перед камерой, забегает за какое-то строение, падает. Друзья-каскадеры быстро гасят пламя. Бохадур возвращается за ним – клубы дыма, лицо почти неразличимо под глиняной маской. Что он чувствует, разобрать невозможно. Съёмочная группа аплодирует. Потом все собираются, прощаются. Съёмочный день окончен. На экране результаты займут от силы минут десять...

Кино – странная вещь: ты снимаешь людей, природу, животных, а они потом начинают жить своей параллельной жизнью. Как будто крадут частичку нас самих. Не знаю, что за фильм получится у Хамдамова, но за одну параллель надо выразить ему особую благодарность. И Роза Джаманова, и Бибигуль Тулегенова, и Эрик Курмангалиев заслуживают, чтобы быть украденными.

Роман АХМЕДОВ,
фото Еремка МАМБЕТОВА.

У истоков развития кино в Казахстане, как известно, стояли российские кинематографисты. Первенец казахского художественного кино, «Амангельды», был снят в 1939 году на «Ленфильме». Взаимодействие кинематографистов укрепилось при организации ЦОКСа в годы войны в Алма-Ате. Содружеству способствовала активная подготовка наших кадров во ВГИКе. Профессиональные и человеческие контакты продолжаются и сегодня. Во многом это связано и с тем, что в России работает целая плеяда деятелей кино, чьи жизненные и творческие биографии были связаны с Казахстаном. Среди них актеры Лев Прыгунов, Александр Филиппенко, Наталья Аринбасарова, режиссеры Владимир Хотиненко, Сергей Соловьев, Никита Михалков, Андрей Кончаловский и многие другие. Мы решили встретиться с некоторыми из них на страницах нашего журнала.

Первая беседа — с режиссером Вадимом Абдрашитовым, автором многих психологических фильмов, народным артистом России, лауреатом Государственных премий, призером международных конкурсов.

— Вадим Юсупович, что побудило вас снимать фильмы?

— Юность нашего поколения в каком-то смысле совпала с юностью страны. Мне было 16 лет, когда я поступил в Московский физико-технический институт. Это был 1961 год, еще «оттепель», когда начинали Аксенов, Гладиллин, Окуджава, Высоцкий, в кинотеатрах шли фильмы Висконти, Феллини, в театре — аншлаги «Современника». И время это, конечно, стимулировало жизнь духа. Я увлекся фотографией, работал в институтской многотиражке, что-то писал. И руки уже тянулись к кинокамере, студии в физтехе не было. Я тогда понимал, что, наверное, поведу себя в сторону кино. Перевелся в Химико-технологический институт им. Менделеева, там была достаточно мощная любительская студия. Много снимал, монтировал, писал сценарии и готовился к поступлению в ВГИК. Но по закону надо было

**Вадим
АБДРАШИТОВ:**

**КАЖДЫЙ ФИЛЬМ -
ВСЕГДА ДЕБЮТ...**

после вуза отработать три года. Что я и сделал на Московском электровакуумном заводе. Только после этого поступил во ВГИК, в мастерскую М.И. Ромма.

— Кто в кино оказал на вас самое большое влияние?

— Не могу назвать какого-либо режиссера или художника, который, что называется, повлиял. Юлий Райзман, Михаил Ромм, Лев Кулиджанов, с которыми мне довелось общаться, своим масштабом, естественно, влияли. Но я остаюсь человеком, любящим любое кино. Дело не в разнице жанров, а в качестве вещи: есть в ней художественная полноценность или ее нет. Это может быть Виго, Чаплин, Бертолуччи или кто-то другой.

— Вы — профессор ВГИКа, у вас мастерская. Как вам «племя младое, незнакомое»?

— Это уже третья моя мастерская. Племя младое, но в общем, знакомое.

— Но, мне кажется, все-таки оно отлично, ведь это генерация молодых, выросших в новой, рыночной формации.

— Разница в поколениях на самом деле меньше, чем разница во времени. Время 70-х больше отличается от нашего времени, чем поколение молодых 70-х от нынешних молодых. Их объединяет общее: они молоды — и это главное. Процент толковых и возможно талантливых такой же, как и раньше. Единственное, но существенное отличие, которое сказывается на многом — степень общекультурной подготовленности. Она значительно ниже, чем была раньше. Средняя школа в этом смысле провисла, культ чтения, можно сказать, исчезает. Раньше уровень требовательности к абитуриенту был значительно выше, нежели сейчас.

— Все свои полнометражные ленты вы сняли по сценариям Александра Миндадзе. Вашему тандему 30 лет. За эти годы вами созданы 11 фильмов. Поделитесь секретами творческого сотрудничества.

— Во ВГИКе я защитился курсовой работой «Остановите Потапова», картина стала известной, и меня пригласили на «Мосфильм». Я год искал сценарий, прочел их около 200 — в разных портфелях, на разных студиях. Естественно, встречались и вполне достойные вещи, но не мои. Можно снять, а можно и не снимать... И вдруг я прочел сценарий неизвестного тогда мне молодого автора и понял, что это именно то, что искал, это — мое. Позвонил Александру Миндадзе, мы познакомились, стали работать, подружились. И потом шли вместе из картины в картину. Долгосрочность нашего тандема (с годами я это понимаю), наверное, связана с тем, что каждый раз, начиная картину, мы ставили перед собой совершенно новые творческие задачи, снимали совсем разные картины. «Слово для защиты» — одна картина, «Охота на лис» — совсем иная, а «Парад планет» сделан будто бы другими авторами. Каждый раз, начиная картину, мы начинали с нуля. Что чрезвычайно сложно. Чрезвычайно. Потому что такая категория, как «опыт», не работает. Меняется все: способ работы с актерами, оператором, художни-

ком. Я снимал «Магнитные бури» как дебют, потому что не делал подобных картин раньше. Это был еще один найденный нами способ рассказа. Новизна этих задач, их сложность не позволяли нам, что называется, соскучиться.

— Понятие «современность» часто подразумевает актуальность, злободневность. Должен ли этот аспект присутствовать в фильме? Ведь зритель часто приходит в кинотеатр за ответами на вопросы, волнующими его именно сегодня. Удастся ли соединять эти насущные ответы с вечными темами?

— Мне кажется, мы с Миндадзе снимали фильмы не то чтобы про современность, а про человека. С его вечными константами жизни в то или иное историческое время. Мысль, как вы понимаете, не нова, но человек со временем мало изменился. Прошли эпохи, а состав крови тот же, температура тела та же — 36,6 и те же самые инстинкты. Время меняется вокруг, но всегда представляет интерес, как человек поведет себя в этом конкретном времени, живя в этой конкретной системе, этой атмосфере. Вот что представляло интерес для нас и, надеюсь, для зрителей. Если при этом в готовой картине ощущалось присутствие того, что вы называли современностью, это значит, картина сделана правильно. В том смысле, что поведение конкретного живого человека в этом времени и этом пространстве было правдиво.

— В последних ваших фильмах, «Время танцора» и «Магнитные бури», зритель понимает, что сюжетно они привязаны к сегодняшним реалиям. В первом случае к событиям на Северном Кавказе, во втором — к глобальным изменениям, происходящим в стране и сознании людей в новейшей российской истории.

— Я не берусь за картины с четкой, первоплановой публицистической установкой. Мне интересны конкретные живые люди в этой ситуации. Если это война на Кавказе, то не сама война, а послевоенный синдром. Историю в «Магнитных бурях», наверное, можно было по-другому рассказать, «сверху», с публицистической точки зрения, как делится собственность, так ли она делится. Для нас же было интересно рассказать о неплохих симпатичных людях, которые любят друг друга. О том, что с ними может происходить, когда они попадают, как песчинки, в эти завихрения исторических бурь. Снимая «Остановился поезд», у нас не возникало и тени желания сделать публицистический фильм о плохой работе железной дороги — не так формулировалась задача. Интересен был характер следователя Ермакова, ненавидящего всех за то, что те ненавидят свою жизнь. Первопричиной всегда были эти интересы, и я думаю, что если существуют актерские достижения в наших фильмах, то они во многом связаны с тем, что актерам было что играть.

— Ваши персонажи в основном рядовые люди, они живут рутинной повседневной жизнью. О них мало снимают обычно...

— Потому что это сложно. Все происходящее здесь в Москве, у Белого дома, на Красной площа-

ди – это все внешнее, которое можно назвать либо пеной, либо верхней частью айсберга. Все основные процессы, сложнейшие, они идут все-таки там, в глубине, там разворачивается настоящая драма российской жизни. Для нас это и было самым интересным.

– Во многих своих публикациях и интервью вы размышляете об универсализации нынешнего культурного продукта, о его, как вы говорите, оцифровывании, не учитывающем ментальность и особенности.

– Это следствие развития цивилизации. Чтобы цивилизаторский процесс распространялся, ему нужен максимально усредненный, универсальный объект приложения. Чтобы кино выгодно продавалось и в Америке, и в Корее, и в Казахстане. В отличие от культуры. У них разные векторы движения. Культура утверждает прямо противоположные приоритеты – индивидуальность отдельного человека. Искусство всегда доказывало, что в каждом человеке – Вселенная. А бизнесу не нужны своеобразные люди с разнообразными запросами. Потребитель любого продукта должен быть предельно усреднен. Культура этому всегда сопротивлялась, видя в конфликте личности с серой массой драму или даже трагедию отдельного человека. Все массовидное берет свое, и оно становится все масштабнее, а пространство культуры в целом, следовательно, и киноискусства, уменьшается в объеме. Тридцать-сорок лет назад явлений и фактов художественно полноценных было значительно больше, чем сейчас. Но это – общемировой процесс, не только российский. Посмотрите, что делается в американском кинематографе. Вспомните картины, которые в свое время номинировались на «Оскара» или получали Пальмовую и другие ветви. И какие сейчас картины привечаются как образец творчества? Трудно себе представить, что когда-то такой фильм, как «Титаник», мог номинироваться на «Оскара». Но это закономерный объективный процесс. В России происходит то же самое, и я подозреваю, что это надолго. Это и есть процесс глобализации.

На съемках фильма «Время танцора»

Но, поскольку существуют отдельные художники, то киноискусство как таковое также продолжает существовать. Пусть в суженном каком-то пространстве, но все-таки оно есть. Однако мощный сдвиг в сторону конвейерного производства блокбастеров, конечно же, тоже налицо. Направление тупиковое, безусловно. Но, дойдя до тупика, киноискусство должно востребовать к жизни какое-то обновление и художественного языка, и художественной идеи. Будем надеяться.

– Некоторые критики считают, что в первой половине 90-х годов, когда вы снимали «Армавир», «Пьесу для пассажира», у вас был сложный, кризисный период. И последующая лента «Время танцора» стала шагом к преодолению кризиса.

– Думаю, критики неправы. Они ведь судят в большинстве своем не по сути, а по видимому. «Армавир», в каком-то смысле, одна из тяжелых картин. Но это соотносилось с тем временем. Картина о разрушении человеческих связей. Вчера были мужем и женой, сегодня не признают друг друга. Была дочка, а оказывается, это не дочка. Не знаю, можно ли в кризисном состоянии, если речь о творческом кризисе, снять такую картину. Думаю, навряд ли.

– Высказывается мнение, что ваши картины не для рядовых зрителей, а для столичных критиков.

– Мне кажется, все фильмы достаточно просты – это одно из достоинств и драматургии Миндадзе. Достаточно просты они по внешнему рисунку, без всяких, что называется, наворотов. Думаю, речь идет не о понимании или непонимании их зрителем. Просто зритель либо чувствует что-то, либо нет, либо ему что-то отозвывается или нет этого. Трудно предположить, что в зале сидят только тонко чувствующие люди. Наши картины адресованы зрителю, который может сопереживать чему-то. Это не зависит от возраста, образования, социального положения или географии.

– Вы открыли для мирового зрителя Чулпан Хаматову, после того, как в 1997 году она снялась в фильме «Время танцора», за 7–8 лет Хаматова стала самой востребованной актрисой российского кино. Или Виктория Толстоганова и Максим Аверин, которых вы сняли в «Магнитных бурях». По какому принципу вы выбираете актеров?

– Это большая, долгая и кропотливая работа. Только так и могу сказать. Актеры современного театра и кино очень хорошие, мощные. Другое дело, что им играть нечего – слишком мало вещей, адекватных их таланту. Отбирать сложно, поэтому нужны тщательные актерские пробы. Тривиальную вещь скажу, но все же – нужно как-то представлять себе, каким получится фильм с этой актрисой, каким – с иной, куда выведет конкретный выбор.

– Как вы работаете с актерами до и на съемочной площадке? Многие из них восторженно отзываются о вашей работе с ними, но не могут объяснить словами ее особенностей. Все-таки чем они?

– Им есть, что играть – это раз. Потом, актеры чувствуют, что я к ним хорошо отношусь. Что бы мы ни думали и ни придумывали со сценаристом, с оператором, с художником, если зритель верит актеру на экране, значит, слышит нас. Если нет – все наши идеи ничего не стоят. Съёмочная группа должна знать: актер – главный человек на площадке. Лучшее кресло для него, самый горячий чай – ему, самая холодная водичка – тоже. Это безусловно должно быть. Но главное – должно быть что играть: не функцию, а судьбу. И дело не в размере роли, а есть ли у персонажа некая биография и характер. Когда есть, актеры, как дети, отзываются на это и вытаскивают из себя все.

– Давайте поговорим о Казахстане.

– Я жил в Алматы пять лет, с 1956 по 1961 годы, учился в трех школах, в 47-й, 36-й и в 25-й. До седьмого класса хорошо учился в школе, посещал актерскую студию ТЮЗа, при этом интенсивно занимался физикой и химией. Потом поступил в Алма-Атинский железнодорожный техникум, был набор на экспериментальное отделение по связи и электронике. Но в апреле 1961 года Гагарин полетел в космос, и я, как показалось, поняв, что мне надо, экстерном сдал экзамены и поехал поступать в Московский физико-технический институт.

– Остались ли у вас друзья, с которыми вы были близки в юношеские годы?

– Естественно, остались одноклассники. Видимся с ними время от времени.

– Есть ли родственники в Алматы?

– Мои родители, брат, дядя с тетей жили там, никого нет. Остались племянники и двоюродная сестра Эрн, с которой мы всегда нежно дружили. А вообще отец мой родился в Семипалатинске. С мамой, Галиной Николаевной Климчук, они позлащались, что в зале сидят только тонко чувствующие люди. Наши картины адресованы зрителю, который может сопереживать чему-то. Это не зависит от возраста, образования, социального положения или географии.

– Как вы оцениваете нынешнее состояние казахстанского кинематографа?

– Кинематограф Казахстана, в отличие от многих других, меня весьма интересует. Потому что я ощущаю безусловный его потенциал, некими прогностическими методами время от времени обнаруживающий себя. Потом почему-то опять наступает пауза... Затем вдруг снова появляется приличная картина. Очень бы хотелось, чтобы этот потенциал был реализован. Так получилось исторически, с помощью ВГИКа, большой мастерской Сергея Соловьева, замечательной актерской мастерской Бориса Бабочкина. Задача заключается в том, чтобы этот потенциал не ушел в землю. И много талантливых молодежи, безусловно. Конечно, в Казахстане готовятся кадры. Но, может быть, опять какой-то целевой курс набрать во ВГИКе или организовать совместную подготовку? Но это обязательно надо делать.

– С кем из казахстанских коллег поддерживаете отношения?

– Практически со всеми. В прошлом году был на фестивале «Звезды Шакена» с фильмом «Магнитные бури». Сейчас собираюсь в Алматы на фестиваль

«Евразия», поработаю в жюри. Наверняка с Асанали Ашимовым по старой дружбе пообщаемся, и с молодыми режиссерами, актерами, с которыми параллельно учился во ВГИКе.

– Не могли бы вы немного рассказать о приватной жизни. Как проводите свободное время, отдыхаете?

– Отдыхать не умею. К счастью, всегда находятся какие-то дела, и из режима отдыха как бы выпадает. Дел нет – их ищешь. А просто свободное время – даже не знаю, что это такое. Люблю путешествовать, по возможности это делаю. Но тоже ненадолго. Много читаю, пытаюсь что-то смотреть в театре, кино, отслеживаю все с интересом, пытаюсь понять, что происходит.

– Расскажите о своей семье. Как вы познакомились с супругой Нателлой Георгиевной Тоидзе?

– Был по делам в молодежном журнале «Смена», там как раз проходила ее выставка. Увидел мощные живописные работы, написанные очень сильной рукой, они мне запомнились. Был удивлен, узнав, что они написаны ею. Потом нас познакомили на ВГИКовском кинофестивале. Старший сын Олег пошел по моему первому пути. Учился в физтехе, продолжил образование в Колумбийском университете, сейчас работает в Америке в сфере информационных технологий. Младшая дочь, Нана, пошла в маму, сценарист, много работает. Словом, семья работающая, творческая. Это как-то помогает не утонуть в трясине быта. Мне трудно представить себе какой-то другой способ жизни.

– Над чем работаете сейчас?

– Пара лет ушла на поиски денег для реализации большого, технологически дорогого замысла. В основе сценария – произведение одного из современных писателей, называть его имени пока не буду. Сейчас появилась какая-то очередная иллюзия, что тот большой замысел удастся осуществить. Но есть еще несколько замыслов, в том числе и документального фильма. Надеюсь, к зиме кое-что определится.

Беседовал Тимур ЕРМЕКОВ.

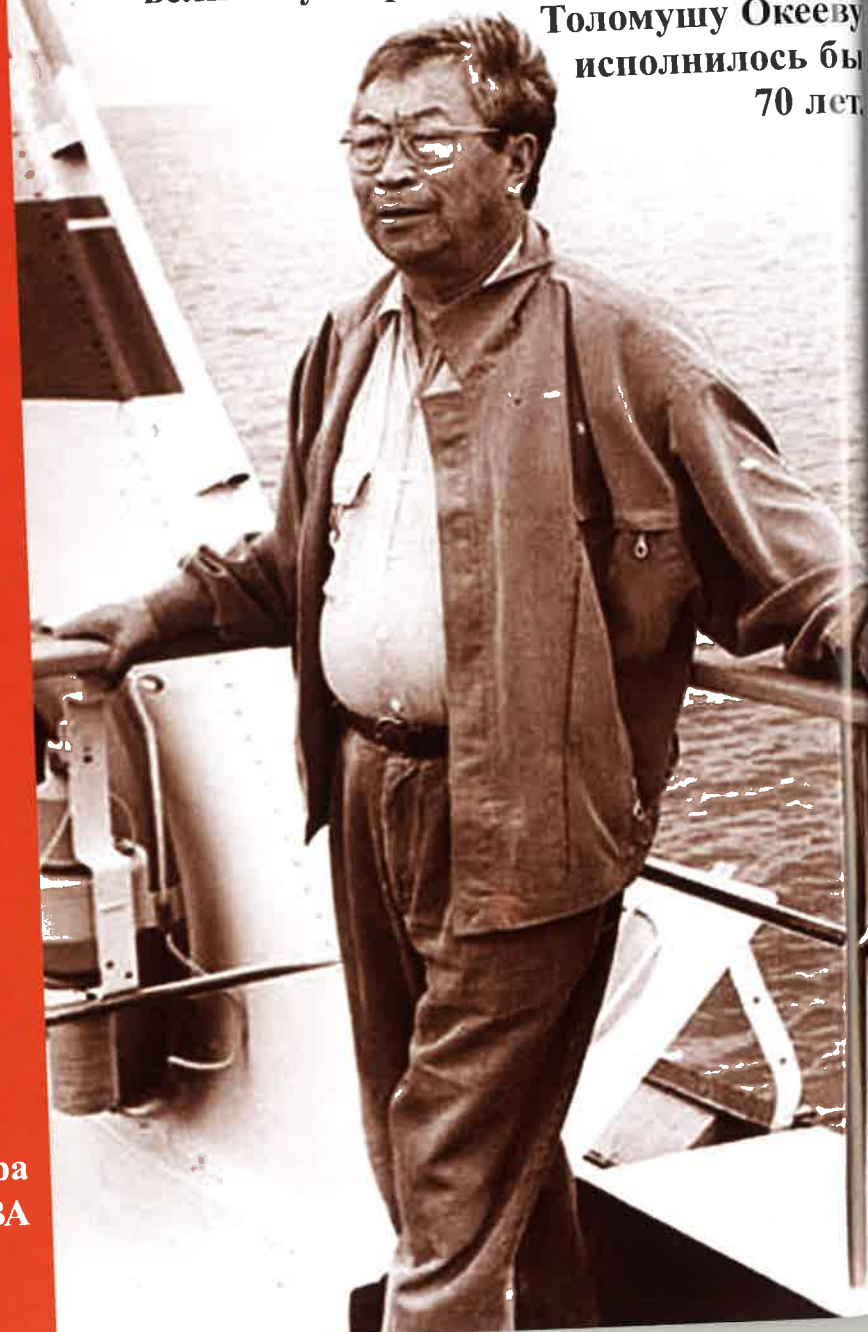
Он всегда был одухотворен, его порывистые движения завораживали, быстрота реакции изумляла, резкость в оценках могла обидеть, а нетерпимость к бездарностям была очевидна. Щедрый, добрый человек, воспринимавший мир сквозь призму богатейшей поэтики устного народного творчества острым, пытливым умом. Как и положено истинному кыргызу, родился и вырос в Иссык-Кульской области, селе Боконбаево Тонского района. Океев гордился своим происхождением и часто повторял: «Мне интересен кыргыз как таковой, а просто «киргиз», выросший на асфальте, не знающий своего языка, культуры, не вызывает никакого желания представить его образ на экране».

Гульбара
ТОЛОМУШОВА

Толумуш ОКЕЕВ:

ЕСЛИ БУДЕШЬ ЗАПУГАННЫМ, ТЕБЯ СЪЕДЯТ

11 сентября 2005 года
великому кыргызскому кинорежиссеру
Толумушу Окееву
исполнилось бы
70 лет

– Толумуш-ага, вы в течение нескольких лет обитаете за границей, но народ о вас помнит. Как бы не было, вы являетесь художником, нарисовавшим истинный характер, душу нации, сыном, имеющим веское слово. Говорят, если смотреть со стороны, то точнее видится. Свобода, выпавшая на голову нашего народа... Подарит ли нам счастье рыночная судьба или, распродав богом данное наследие, в конце концов мы останемся охотящимися на кийиков в скалистых горах?

– Голова идет кругом от нынешнего состояния мира. Повсюду скандалы, катастрофы. Ожидая наступающего потопа, сидишь пораженный. Не знаешь, чему верить, чему нет. Только взываешь к богу, нет другого выхода из положения. Вообще интересна судьба кыргыза: семьдесят лет его поили марксизмом, но не вышел чистый коммунист. Не очень-то придерживался Корана, особо выглядит в рыночных отношениях... Одним словом, как сирота, не знает, к кому прильнуть, находится в растерянности, поиске опоры. А самое худшее: не может всерьез увлечься одной целью. Будущее вырисовывается смутно. В годы войны был подростком, и вши напали, и голод уморил. Но у народа была решимость, поэтому не вымерли. Потому что верили Победе, Сталину, коммунизму. Сейчас не определена в груди надежда, в голове – цель. Поэтому, хотя ты сыт, одет и обут, но сердце не на месте и беспокойно.

Был такой мудрец Лев умилев, когда читаю его, мною овладевает беспокойство. У нации тоже, как и у личности, бывает, оказывается, жизненное прошлое: детство, молодость, зрелость, пора старости. Так и в истории кыргызов:

С призом Берлинского кинофестиваля, 1985 г.

была когда-то древняя империя – очаг цивилизации с цветущей культурой. Мне в голову приходят мысли, что молодость кыргызов, может, прошла, и народ устал от старой истории. Когда во главе народа был Манас, рядом были Алмамбет, Чубак – они боролись с врагами, затем в 1916 году гибли кыргызы, в 1937 году умерли многие интеллигенты, во время Великой Отечественной войны поредел народ. Одним словом, лишились тех, у кого рука была сильная, сердце пламенное. И думается – наверное, остались средненькие, так себе, ни рыба ни мясо.

Пусть история останется историей. От слез мало результатов. Хотя это человек, или семья, или нация, если не будет упрекать себя, глубоко не подумает головой, не будет бороться за свою честь, то не будет расти. Нет пользы и от обиды. По-моему, малосведущий, слабый и с большими недостатками человек быва-

ет очень обидчивым. Нация тоже так. Большинство наших людей капризны и обидчивы, ищут недостатки не у себя, а у других, имеют придирчивый характер. Оставим в стороне великие народы, возьмем живущих с нами порог к порогу корейцев и дунган. Видим ли мы, когда они обижаются без основания или свою вину сваливают на других? Нет. Хоть зубами грызут землю, но сперва приведут в порядок свое хозяйство.

В таких случаях невольно приходит в голову диалектическое положение: «Бытие определяет сознание». Всю свою жизнь прославляю Ала-Тоо и дальше буду так же. Горы – это и колыбель, и крепость кыргыза. Однако, оказывается, еще и тюрьма. С животными мы сами превратились в животных, оказались в заключении высокогорных пастбищ. От мирового прогресса – главных трасс, железных дорог, морских путей, да что там говорить, от общения-связи

остались в стороне. Что теперь стыдиться-то, стали ведь всем известны факты расстрела в 1916-е годы русскими офицерами немногих кыргызов, как кийиков, наподобие как расстреливали янки забавы ради индейцев в Америке. Это не потому, что кыргызы плохие, а от очень низкого уровня производства, оттого, что они далеко остались от обработки земли, промышленной и технической деятельности.

На нашей земле нет гор, где бы я не ходил, нет вершин, на которые бы не поднимался. В объятиях гор ты - как свободная птица, хочется петь, настроение тянется к сказке, фантазии. Почему бы здесь не рождался эпосам, поэмам, наполненным небылицами более чем правдой?

Еще раз вернемся к прошлому. Кашгарское, Хивинское или Кокандское ханства: везде кыргызы были передовыми бойцами. Однако посмотрим на оборотную сторону этой медали. Например, беда турков также, оказывается, в их воинственности. В

то время, когда они с голыми саблями воевали с врагами, евреи, греки и армяне овладели деньгами, имуществом, банками, благодатными землями. Турки были очень бедными людьми того региона и у кого попало брали деньги, они по пояс погрузились в долги. Кыргыз такой же. Защищали саблями чужие империи, а сами остались без государственности. До сих пор проявляются эти последствия: у нас отсутствуют даже смутные признаки гордости за свою нацию, уважения языка, традиций, самопожертвования во имя страны. Это исторические и объективные условия, они не в наших руках, это вынужденные вещи.

Таким образом, мы десятки, сотни лет были и изнуренными, и принижеными, и запуганными. Наверное, от этого в наших сердцах, как камень, сидит обида, стеснительность, неловкость. Конечно, в век космоса и компьютера лучше было бы, если бы не было этих напастей. Человек, чувствующий себя униженным, дефек-

тным, не откроется, он не сможет ни петь, ни смеяться. Не может сделать стоящее дело. Не зря у кыргызов появилась поговорка: «Кто год скот пас, у него три года не проси совета».

Мы хотим делать лучше, но делаем коряво. Я никак не против науки. Фундаментальная наука поздно приносит свои плоды. Что толку от увеличения числа университетов, когда хромает качество подготовки кадров? Сейчас нам нужны мастера, ремонтирующие комбайны, плуги, пускающие в ход станки, нужны именно такие ремесла. Высшее образование не должно являться самоцелью. Мастер на все руки сейчас зарабатывает больше, чем академик. Смотришь, кыргызские парни-языковеды, историки, а свой холодильник не могут починить. Попадаем в зависимость к сыновьям русским или другим, имеющих среднее специальное образование.

- Хочу повернуть русские беседы на непостоянство сегодняшней политики, общественного сознания. Все население, власти потеряли совесть, двойная мораль стала обыденным явлением. Слово потеряло свое величие. Большинство не знает, за что держаться, опешило. Вера в закон государственного органа угасла...

Мы знаем, что двойная мораль, лживая пропаганда, отчеты загубили, в конце концов, СССР. Пустыми разговорами сыт не будешь, нельзя. Не потому ли, что я просею всю жизнь себя обманывал через сито анализа турецкой Правды, «Манас» - это некую историю, культуру и дру-Коран, историческое сокровище, как бы то ни было, образ же. Но искать там государственности этого народа, модель твенную идеологию - бессмысленное государство мне видится. Какая бы прелесть близкими. Я раньше говорю, граммма не была, лучше, есрил, что они тоже, как и мы, она выражает голос эпохи. Заботились о себе, народ сердца. Правда, Слово потеряло свое величие. Слово от татюрк собрал народ, зало-

не действует на детей, слово власти - на граждан. Не знаю как у других, но вообще сильнее Слова у кыргызов ничего не было. Боюсь, со временем мы лишимся этого качества.

О расслоении общества... Хотя я сам нахожусь в Турции, периодике из Кыргызстана получаю регулярно. Она вся разделилась на государственную и оппозиционную. Одна сторона пишет о белом, другая видит только черное. В обществе должны быть различные мнения. Но все имеет свои границы, жизнь состоит не только из контрастов. В спектре имеются семь цветов, но диапазон жизни шире.

- Вы - на дипломатической работе. Повидали страны, народы. Если наблюдать мировую политику, то такие, как мы, чтобы устроить свою жизнь, переходят под крыло мощных вооруженных держав. На чьи широкие плечи обопремся мы: Запада или России, Китая или родственных народов?

Правда, пришло время, где-то остановиться. Обстоятельств, возбуждающих глаз, много, но где взять силы, чтобы за каждым угнаться? Например, по геополитическому положению у нас есть сходство с Швейцарией. Но в этой стране аж с XII века капитализм. С ней сравниться в ближайшие годы - пустая мечта. У швейцарцев также есть четыре конечности, два глаза. Но их преимущество: общественные отношения пре-

жил фундамент государства, указал стратегию развития. Затем пришел Тургут Озал, плохое привел в порядок, хорошее продолжил, создал систему, что не легко поколебать. Приведу только один пример. В Турции правительство часто меняется, но это на систему не влияет. Министры приходят и уходят, а дело не хромает. А если у нас придет министр, то он обновляет и изменяет учреждение, приводит с собой родственников, приятелей, знакомых, даже секретаршу свою с собой прихватит. Турция это придумала не сама, а научилась у других. А что, если и мы у них научимся?

В принципе, было бы хорошо, если бы мы сами выработали модель развития, идеологию. Я это представляю следующим образом: собрались бы историки, экономисты, финансисты, прочие специалисты. Свои. Консультантов, узких специалистов можно привлечь из-за рубежа. При выработке модели лучше было бы учесть все факторы

- характер народа, что у него хорошего и плохого, условие местоположения. Сообразно этому и надо проводить политику - взвешенную, понятную простому народу. Практика многих стран точно подтвердила, что наскоками, шараханьем из стороны в сторону хороших результатов не добьешься.

Помогающие развитию Кыргызстана ресурсы имеются. Просто мы не можем их по порядку пустить в дело, поверхностно касаясь то одного, то другого. Вот я, снимая фильм на Хан-Тенгри, видел, что скалы там содержат много мрамора. Иссык-Кульские руководители, вместо того, чтобы мучиться и строить дорогу к горным ледникам, хоть бы тонну мрамора выкопали бы, и это было бы хорошей добычей.

- Что бы мы ни говорили, рынок воцарился. У него беспощадные порядки, и мы, обтесанные и отстиранные, пали ниц перед ним. Не замешает ли рынок в тесто капитализма вместе с

Кадр из фильма «Красное яблоко»

Кадр из фильма «Золотая осень»

КИНОМАН

нашими пороками и наши национальные качества, культуру?

- В религии ли, в политике или в другом, если не будет культуры, это приведет к односторонности, невежеству. Без культуры ограничены и пределы рынка. Давайте не будем парить в небесах, сядем за расстеленным дастарханом. Каково одно из положений рынка? Хозяйственность. Капиталисты перешли к экономике не из-за бедности. Это уважение к плодам труда. Их культура. Гляди на дастархан кыргыза: гостей заставляют кушать до отвала, пьют лежа и стоя. Потом дней пятнадцать живут впроголодь. Подготовленную гостям пищу даже для своей семьи жалеют. И это пустячное честолюбие наше, в конце концов, рынок выметет, наверное. Стараясь устроить той (свадьбу) или аш (поминки) опустошаем карман, лезем по горло в долги. Разве есть выше этого безрассудство? Ты хвастайся не карманом, а головой, покажи себя перед детьми и богом совестью. Если каждая семья заботлива, крепка, здорова, довольна, то и государство, и нация будут такими же. Нация, близкая к выпивке, ничего путного и в рыночном деле не сделает. Хоть бы постеснялись корейцев и дунган, живущих через огород.

Считаю, что японцы, давшие расцвет рынку и сохранившие древние традиции, служат всем нам примером. Посмотрите на воспитание детей. Пока ребенок не наберется ума, его не запугивают, по рукам или попке не бьют. И не потому, что японцы плохие, ленивые, это их педагогика и философия. Чувство самоподавленности, по-видимому, остается от нашего нетерпимого отношения к еще не образумившемуся, неокрепшему ребенку.

Я прошу Аллаха: пусть не

исчезнут и сохранятся с рынком такие качества кыргызов, как уважение к старшим и забота о малышах, поддержка человека в горе, умеренное гостеприимство. Но надо признаться, что у нас плохого больше, чем хорошего.

- Свою тоску о судьбе нации, я думаю, вы разогнали, мы довольны и благодарны вам, Толомуш-ага. Теперь такой вопрос: как проводит за границей свои дни Толомуш Океев, что нового в его творчестве?

- В Турции работаю уже шесть лет. Раньше был послом, теперь являюсь представителем Кыргызстана в Культурном содружестве тюркоязычных государств, называемым ТУРКСОЙ. Жизнь неплоха. Океев и в Турции не просто так ходил, кыргызам приносил только пользу, вреда не наносил. Содействовал открытию фирм «Кока-кола», «Бета-чай», высших учебных заведений и лицеев, где учатся тысячи наших детей. Это я рассказываю не для того, чтобы хвастаться и заслужить уважение. Я поехал туда не в поисках прибежища, старался хоть какую-то пользу принести своему народу. Вот поэтому и рассказываю. Патриоту хоть где найдется работа. Планов снять фильмы полно, нужны средства. Поэтому сейчас сижу за письменным творчеством. Архив богатый. Написать, рассказать есть о чем.

- С одним из эпизодов фильма «Улан» связаны такие слухи: говорят, что за кадр, где герой покойного Суйменкула Чокморова провалился в могилу. Первый секретарь ЦК КП Кыргызстана Турдакун Усубалиев очень обиделся.

- Я снимал около десятка фильмов. И только путь фильма «Красное яблоко» оказался беспрепятственным, остальные все проходили через цензуру. «Пастбище Бакая» обвинили

в возвеличивании пережитков прошлого, в «Улане» убийство Уркуи считали не соответствующим требованиям соцреализма, обвиняли меня в том, что не показал новые дома колхоза «Уркуя». Это правда, что состояние заключенного в могилу пьяницы в фильме «Улан» немного смутило Турдакуна-аксакала. Тогда я был молод, горяч. Когда он засомневался: «Где это видано?» я встал и пронзительным голосом сказал: «Турдакун Усубалиевич, вы сами не пьете и не знаете, бывает и похуже, чем это». Помню, что первый секретарь тогда засмеялся и растрогался.

А. Карыпкулов в бытность секретарем ЦК много находил в моих фильмах неладностей, тем не менее фильм «Кожожаш» был отобран на Берлинский фестиваль в 1985 году, где получил приз «Серебряный медведь». Но я не мстительный, с обоими отношения ровные. Понимаю, тогдашняя политика своей тенью запугивала всех. Мои, запрещаемые на родине фильмы почему-то в Союзе или на Международных фестивалях удостоивались призов.

Может, заразился этим от родителей, но, в общем, я избегал говорить неправду. Это характер чувствовался в моих фильмах. К тому же пытался снимать животрепещущие чувствительные места жизни. Слова и дела от чистого сердца. Наверное, будут результативными и долго проживут. Мои фильмам давали счастье и правдивость и художественные качества, отдаленность от идеологических недугов, близость вечным темам, таким, как природа и любовь. Поэтому я своей творческой жизнью отчасти доволен.

Интервью, записанное Султанбеком ДЖУМАГУЛОВЫМ 4 июня 1999 года для издания «Асаба» Кыргызстан

Алсу из «ужастика»

В Великобритании выходит фильм ужасов, где в одной из главных ролей снялась известная российская певица Алсу. Фильм снимали прошлым летом в Румынии. Подготовительная работа велась два года, несколько раз переписывали сценарий. Окончательный вариант принадлежит сценаристу Полу Финчу. По сюжету пятеро студентов - двое молодых людей и три девушки - поселяются в старом загородном доме. Дом имеет дурную славу, раньше здесь разгуливали духи и привидения... Алсу играет скрытную и немного странную студентку Тину. После страшных событий и первых убийств все начинают подозревать друг друга. По словам самой певицы, ее героиня очень тихая, спокойная, при этом таинственная и готовая умереть за любовь: «Этим она мне очень симпатична. Хотя в реальной жизни мне бы не хотелось оказаться на ее месте». Вместе с Алсу в фильме снялись певица Билли Пайпер и Люк Мабли («Принц и я»). Саундтреком к фильму стала песня Алсу «Капли слез», она ее не только спела, но и сама написала. Сроки мировой премьеры пока неизвестны. Ведутся переговоры, чтобы главную церемонию провести в Москве.

Монахи Шаолиня: схватка с Голливудом

Монахи Шаолиня готовятся к схватке с Голливудом. «Матрица», «Убить Билла», «Дом летающих кинжалов»... Сколько можно! Монахи буддистского монастыря Шаолинь - колыбели восточных единоборств в Китае - вынужденно наблюдали за тем, как их фирменное боевое искусство приносит миллионы долларов киностудиям Голливуда и Гонконга. Терпению пришел конец, и решено нанести ответный удар серией крупнобюджетных боевиков - с подлинными схватками и настоящим боевым искусством! Чтобы одержать победу над конкурентами, монахи задействуют в съемках ведущих мировых актеров и режиссеров - кого именно, пока секрет. Настоящие монахи будут сниматься в сценах схваток. Настоятель монастыря Ши Юнсинь станет исполнительным продюсером первой из трех картин под названием «Легенда монахов-воинов храма Шаолинь». Она основана на правдивой истории о 30 монахах, сражавшихся с пиратами в XVI веке. Удрученные тем, что многие теле- и кинокомпании неверно представляли их боевое искусство, монахи решили полностью контролировать сценарий, особенно то, как будет показан буддизм и духовный элемент, лежащий в основе боевого искусства. Работа над первым фильмом завершится, по планам, в 2008 году. Бюджет картины составит 14 млн. фунтов, что считается большой суммой для китайского кино. Съемки начнутся в следующем году.

12 сентября - День казахского кино!

Поздравляем с профессиональным праздником всех кинематографистов Казахстана! С этого года 12 сентября утвержден как День казахского кино. Оказывается, именно в этот день в 1941 году, во время Великой Отечественной войны Совнаркомом Казахской ССР было принято постановление «Об организации Казахской киностудии в городе Алма-Ате». Опираясь на архивные данные, наши киноведы установили, с какого именно момента вести отсчет летописи сугубо отечественного кинематографа. А потому теперь можно смело сказать, что казахскому кино в этом году 64 года, следующий же год - юбилейный. В связи с датой в Доме кино 12 сентября прошел капустник. В нем приняли участие известные казахстанские актеры, режиссеры, сценаристы, операторы, художники, гримеры, декораторы... По словам участников, «репетиция» будущего юбилея удалась! Ну а мы, редакция журнала «Киноман», еще раз поздравляем всех деятелей кино вообще и Союз кинематографистов в частности с их днем и желаем творческих успехов, а также - воплощения кинематографических идей при ненавязчивой поддержке спонсоров!

принцип *ли* для Гон Ли

С кем только ее ни сравнивали западные критики – с Одри Хэпберн, Джулией Робертс и Памелой Андерсен. Но у себя на родине она давно признана несравненной, а потому великой актрисой великого народа, и безоговорочно коронована как киноимператрица Китая. Этим титулом она владеет вполне заслуженно, подтверждая его венценосными наградами самых престижных международных фестивалей – «Золотой медведь» на Берлинском (1987), «Серебряный» и «Золотой лев» два года подряд на Венецианском (1991, 1992), «Золотая пальмовая ветвь» на Каннском (1993) и приз как лучшей актрисе на Монреальском фестивале в 2000 году. Прибавьте к этому почетное звание, присуждаемое ООН, «Деятель искусства мирового уровня», высшую награду Франции для деятелей искусства и орден «Зеленый рыцарь», несколько лавровых венков, а также общественное признание ее в числе «Красивейших кинозвезд XX века» и 50-ти самых красивых представительниц прекрасного пола современности.

При таком сиятельном послужном списке можно было бы предполагать перманентное присутствие имени Гон Ли на страницах светской хроники, бесчисленные эпатажные интервью и шлейф слухов, сопровождающих каждое ее появление на публике. Но то, что естественно для большинства вращающихся в этой галактике кинозвезд, вызывает у китайской актрисы стойкое отторжение. «Люди вынуждают меня быть в центре внимания, я же предпочитаю находиться в стороне, поскольку так можно увидеть больше», – объясняет она. Не правда ли, в таком признании сквозит интонация конфуцианских постулатов. Вообще многое в судьбе актрисы подтверждает, что наследие национального духа для нее не пустая фраза. И прежде всего, пронизывающий весь тысячелетний уклад китайской жизни принцип *ли*, что переводится как ритуал, церемония, но означает уравновешенное состояние духа – деликатность, вежливость. Именно этот принцип закладывает основы взаимопонимания людей и в китайском обществе, и в семье. А в строгой интеллигентной семье профессора экономики, где 31 декабря 1965 года появилась на свет Гон Ли, и подавно. Привитое с детства предпочтение национальной кухне и доверие только к народной медицине она сохраняет и по сей день и уж безусловно является воплощением пресловутого китайского трудолюбия и упорства в достижении желаемой цели.

Как солнце выглянуло из-за туч....

После окончания средней школы 18-летняя девушка мечтала о певческой карьере и решила поступать на факультет искусств по специальности «вокал». И эта попытка, и следующая за ней оказались безуспешными. Не теряя надежды, будущая прима успела поработать экскурсоводом на выставках, сотрудницей в издательстве и воспитательницей в детсаду. И наконец в числе двадцати счастливых в 1985 году была принята в Центральный институт драмы. По такому случаю в Китае говорят, что она «сразу увидела, как солнце выглянуло из-за туч, и они вмиг рассеялись». Еще бы! Едва став студенткой, она обратила на себя внимание кинорежиссера Чжана Имоу, провозвестника «китайского нового кино», он пригласил ее на главную роль в фильме «Красный аолань». Эта картина стала триумфом Берлинского

фестиваля, положив начало не только стремительно набравшему славу и известность кинематографическому дуэту, но и без малого десятилетней их романтической связи. Чжан Имоу публично признавал Гон Ли своей Музой, но как известно, на музах не женятся. И после многих лет близких, хотя и непростых отношений, к тому же омраченных назойливым вниманием прессы, адюльтеру пришел конец. Это не помешало затем актрисе утвердиться в благополучном браке с уважаемым бизнесменом из Сингапура, да и состоявшееся творческое содружество все это время регулярно венчали лавровые венки.

Красное и черное

Когда у актрисы поинтересовались, какие цвета она предпочитает, то в ответ услышали: черный, красный, белый. С черным – понятно, никакой другой столь выгодно не подчеркнет фарфоровую белизну и хрупкость их обладательницы. По поводу красного голову ломать тоже не придется: в иерархии китайской символики красному отводится главенствующая роль. Присутствие белого тоже, думается, не случайно, если вспомнить эффект преломления призмы, являющий нам при разложении луча одновременно весь спектр радуги. Так и Гон Ли, дебютировав, по признанию критиков, как китайская Одри Хэпберн, преломляя через освоенное исполнительское мастерство

свой душевный и житейский опыт, стремительно осваивала новые для себя амплуа и краски. Безыскусный романтический рисунок игры сменяется ролями гордых, волевых, обуреваемых страстями женщин в фильмах «Цзюдоу» и «Подними красный фонарь» все того же Чжана Имоу. И в том, и в другом главные их героини отваживаются на отчаянный протест, даже бунт против раз и навсегда прописанных семейных установлений, доказывая свое право на собственный выбор. И неважно, идет ли речь о четвертой жене господина, как в «Красном фонаре» или деревенской женщине, преступившей супружескую верность, как в фильме «Цзюдоу». Эмоциональный накал,

правдивость чувств, переданных актрисой не позволяют усомниться, что такое же право на личное счастье она оставляет и за собой. Естественность, достоверность — вообще наиболее сильные стороны актерского мастерства Гон Ли. Своих персонажей она изучает дотошно и истово, на грани с религиозными бдениями. А готовясь сыграть одну из любимых своих героинь в картине «Цюцзю обращается в суд» вообще несколько недель прожила в маленькой деревушке, осваивая местный диалект и быт простой женщины.

Творческий союз Гон Ли с другим не менее именитым режиссером Чэнем Кайгэ, хотя и не открыл, по признанию критиков, новые грани дарования актрисы, но зато принес ей «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля за фильм «Прощай, моя наложница!».

Впрочем, это упущение оказалось вскоре поправимо все тем же Чжаном Имоу, предложившем Гон Ли в еще не освоенном ею жанре гангстерского кино — фильме «Шанхайская триада» роль певички кабарэ, где ей удалось небезуспешно сочетать драматический и комедийно-иронический рисунок исполнения.

Терпение и труд красоты не сотрут

Считается, что непрменный атрибут внешнего облика кинозвезды — ее сексуальность. С Гон Ли — сложнее. Никто не оспорит, что она обладает этим качеством в полной мере. Только проявляется оно не столь откровен-

но, как у голливудских див, той же, скажем, Памелы Андерсен. Сексуальная привлекательность Гон Ли обнаруживается, вернее, присутствует и в том, как она реализует себя на экране, и в том, как умеет подать себя вне сценической площадки. Изысканный стиль в одежде, совмещающий тонко европейские и азиатские элементы, безупречные манеры и то, что французы называют общим понятием шарм. Не удивительно, что при таких достоинствах именно ей было предложено стать брендовым лицом всемирно известной компании L'Oreal.

Впрочем, в биографии актрисы есть несколько любопытных эпизодов, обнаруживающих, что красота ее не такая уж хрупкая, какой кажется на рекламных буклетах. Испытать свою силу воли ей пришлось на съемках уже в начале актерской карьеры, в фильме «Красный гаолян», когда она получила серьезную травму, упав с осла. Работа над ролью Цюцзю тоже не обошлась без эксцессов — она играла с высокой температурой и даже однажды упала в обморок. А снимаясь в картине «Прощай, моя наложница!», в роли новобрачной принцессы Юйцзи, получила печальное известие о кончине старшей сестры, но все-таки съемку не прекратила. И это не единичные примеры проявленного ею самообладания. При всей своей нетерпимости к докучливым репортерам она не отказывается от публичных пресс-конференций, если они проводятся для продвижения фильмов с ее участием. И всегда соглашается занять место в жюри на различных кинофорумах, а это, как известно, хотя и почетное, но довольно нервное дело.

Дважды актриса председательствовала на подобных высоких мероприятиях. Первый раз избиралась председателем на Берлинском фестивале в 2000 году, а через два года была приглашена в этом же качестве на Венецианский. Показательно, что в жюри Каннского фестиваля она присутствовала в течение пяти лет подряд. И настолько покорила своей выдержкой постоянного заседателя Миро Сорвино, что тот добровольно вызвался оберегать актрису от бесцеремонных папарацци.

Фотокорреспонденты, зорко подстерегающие дефилирующих по красной дорожке «звезд», бывают в особенном восторге, если им удастся поймать в объектив Гон Ли, поскольку уверены: она их не разочарует. И это понятно — безукоризненность вкуса в сочетании с острым чутьем на моду в придачу к таланту и красоте стоят того, чтобы быть запечатленными.

Подготовила
Алена ШВЫДКО.

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Несмотря на то, что отзывы на последние серии звездной эпопеи Джорджа Лукаса были довольно кислыми, в Канне, куда Лукас прибыл с торжественностью языческого божества, его приветствовали соответствующим образом. По всему городу были развешаны плакаты третьего эпизода звездной эпопеи «Месть ситхов», Лукас дал несколько пресс-конференций, а его появление перед Большим фестивальным Дворцом вызвало небывалый ажиотаж, особенно среди молодежи и подростков.

Нашему корреспонденту удалось взять эксклюзивное интервью у Джорджа Лукаса, одного из столпов современного кинематографа, изобретателя спецэффектов и гения инженерной мысли.

- Господин Лукас, излишне было бы говорить, что возможность разговора с вами повергает любого журналиста в некоторое подобие шока. Все мы испытываем такое же чувство, какое испытал когда-то Жан Ренуар, которому предстояло отобедать с Чарли Чаплиным.

- (Улыбается). Мне, видимо, следовало бы ответить что-то в том роде, что, мол, я такой же человек, как и вы. Что у меня свои трудности и проблемы. Однако я понимаю ваши чувства, хотя разделить мне их довольно трудно.

- В том смысле, что вы уже подзабыли времена своей безвестности, первых шагов в кино и первых неудач?

- Да, жизнь слишком длинная штука. Сейчас трудно представить, каким ты был тридцать лет назад. Вполне возможно, что ты действительно был совсем другим, состоял из иного состава молекул.

- По крайней мере, ученые так и считают:

молекулярный состав любой живой особи полностью обновляется каждые пять лет.

- Вот именно.

- Разрешите задать вам не слишком приятный вопрос?

- Валяйте.

- Стенли Кубрик, человек, как вы знаете, нелюбимый, как-то сказал, что американский кинематограф подписал себе смертный приговор благодаря вам.

- Благодаря лично мне? Да, я знаю, что Кубрик считал, что, мол, именно я приучил американцев, а вслед за ними и весь остальной мир, к чистой зрелищности, что с успеха «Звездных войн» началась иная эра в кино. Так сказать, развлекательная.

- И как бы вы прокомментировали это?

- Довольно странное обвинение, должен вам сказать. Тот, кто хоть немного знает историю кино, знает и о том, что блокбастеры были изобретены задолго до моего рождения. Так что я просто-напросто продолжил традицию, вот и все. Хотя кое в чем Кубрик прав. Он первый предвидел нынешнее ужасающее положение вещей, когда студии скупаются огромными конгломератами, где свою волю всем навязывают так называемые топ-менеджеры, которые ничего в кино не понимают. Действительно, начиная с конца семидесятых, студии, возглавляемые деловыми людьми, буквально помешались на маркетинге. Все остальное - искусство там и прочее, их совершенно не интересовало.

- Известно, что и вы в начале своей биографии столкнулись с этой проблемой. Некоторые критики до сих пор считают, что ваш первый фильм, провалившийся в прокате и не заработавший почти ничего, был лучшим.

- Спасибо, хотя комплимент весьма двусмысленный. Я прославился и стал мультимиллионером благодаря «Звездным войнам» - в то время как критики продолжают, оказывается, восхвалять мои первые опыты. Даже странно, что этот фильм помнят.

- Вы как-то сказали, что счастливы, завершив свою эпопею, прежде всего потому, то не сошли с ума.

- Да, существуют, видите ли, судьбоносные вещи. Затеяв «Звездные войны» тридцать лет назад, я никак не предполагал, что буду заниматься этим всю жизнь. Ну, год, от силы полтора. И вот, пожалуйста, застрял на тридцать лет.

- В этом есть что-то мистическое

- И не говорите. На самом деле мне сейчас чертовски приятно, что я наконец отделался от своих Джедаев и могу приступить к совсем другой работе. Я сейчас продюсирую фильм об афро-американских пилотах, прославившихся

во время второй мировой войны. Работаю над этим проектом давно, уже около пятнадцати лет.

- Ну а если бы вам все-таки предложили продолжить звездную эпопею, снять седьмой фильм, сиквел или приквел одного из эпизодов?

- Нет, нет, это исключено. Если кому-нибудь, вроде Кэмерона, Финчера или Ридли Скотта - всех этих режиссеров я высоко ценю, захочется, пожалуйста. Но сам я неимоверно устал от «Звездных войн», хотя прекрасно понимаю, что именно они были смыслом моей жизни последние тридцать лет.

- Исследователи полагают, что в нехитрой философии «Звездных войн», где добро и зло разведены по разные стороны баррикад, безо всяких там оттенков и постмодернистских вывертов, есть что-то первобытно-языческое.

- Нисколько не возражаю против такой трактовки. Видите ли, я вырос на традиционных ценностях, на морали, выработавшейся в результате пережитых ужасов второй мировой войны. В этом смысле я абсолютно не постмодернист. Но с другой стороны, я чувствую, что какой-то частью своего существа принадлежу будущему, каковое мне видится в триумфе визуальных искусств. Вообще - в триумфе визуальности как таковой. Еще мой друг Коппола, с которым я начинал, говорил мне, что я совершенно не литературный человек. Что мыслю и чувствую исключительно образами, звуками, языком кино. За которым, как я это понимаю, будущее. Наступает новая эра, и, возможно, колоссальный успех Звездных войн связан с этим предчувствием новых времен.

- Таких, где не будет места ни литературе в ее привычном понимании, ни, если идти еще дальше, языку как средству общения? Вербальному средству общения, я имею в виду?

- Но ведь недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Боюсь, XXI век будет веком аудиовизуальным, нежели литературным. Мы сейчас переживаем новую эпоху, сходную с теми временами, когда было изобретено книгопечатание. Это безумно интересно, что бы там ни говорили сторонники старой школы, для которых культура, прежде всего, зиждется на книжном знании.

- Но без книг, как мне кажется, человеческое сознание страшно сужается.

- А мне кажется, что сейчас необходимо, особенно в воспитании детей, подрастающего поколения обращать внимание на развитие эмоций, на то, как на них, например, влияет цвет, звук. Нечувствительность к изображению

для меня то же самое, что и неумение читать или писать.

- Вы прямо неоязычник какой-то ...

- Не без того. Возможно, несмотря на все обвинения Кубрика именно мы, кинематографисты, первыми почувствовали наступление новой эры, где так важно ощущать мир целиком, без книжных подсказок.

- А нельзя сочетать и то, и другое? Книжную культуру и аудиовизуальную?

- Это было бы идеально. Но вместо книжной культуры в ее классическом виде сейчас наступает эпоха Интернета, чрезвычайно интересная, на мой взгляд. То, что информация доступна всем и каждому, это вдохновляет. Мне безумно интересно наблюдать за стремительным развитием новейших технологий - ведь именно нам, родившимся в XX веке, выпало такое счастье.

- Тем не менее, в своей трилогии вы сетуете на демократию, то есть на власть боль-

шинства, как на неосуществимую утопию. А ведь Интернет - часть демократии, если понимать демократию как право каждого на владение информацией.

- Вы очень мрачно настроены. Я действительно в какой-то степени разочаровался в демократии как механизме. По крайней мере в той демократии, которую осуществилась в моей родной стране. Что и говорить, люди несовершенны, чтобы, владея преимуществом, не использовать его во зло.

Интервью взяла
Диляра ТАСБУЛАТОВА.

Оператор-постановщик:
Максим Осадчий

В ролях:

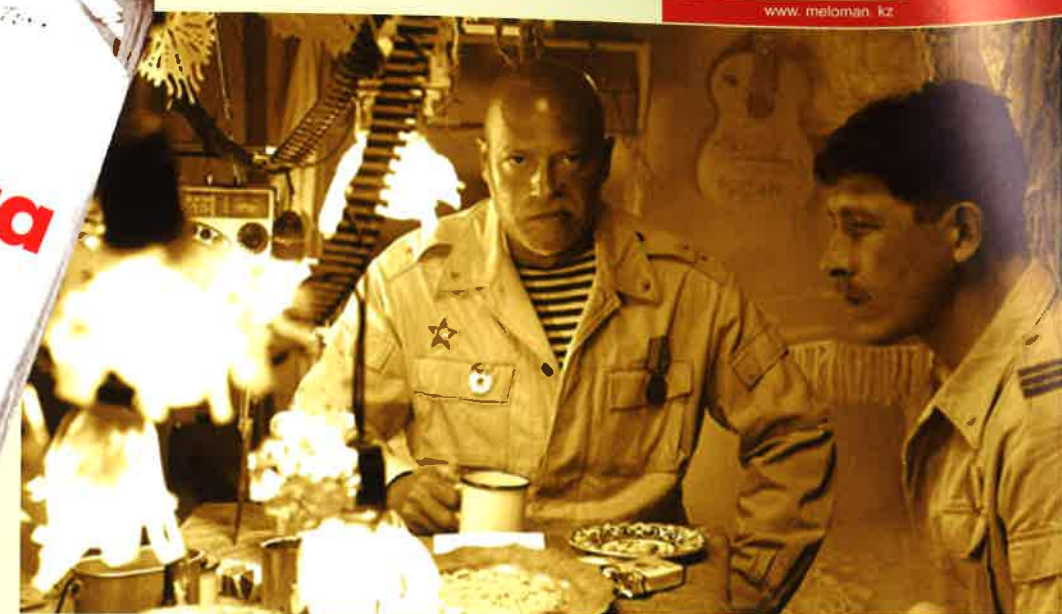
Алексей Чадов,
Артур Смольянинов,
Артем Михалков,
Константин Крюков,
Иван Кокорин,
Иван Николаев,
Михаил Евланов,
Сослан Фидаров,

а также:

Михаил Пореченков,
Ирина Рахманова,
Александр Лыков,
Станислав Говорухин,
Александр Баширов,
Федор Бондарчук,
Амаду Мамадаков,
Дмитрий Мухамедеев,
Михаил Владимиров,
Алексей Серебряков

Алматы, ул. Гоголя, 58
Едкая справочная служба: тел. 333-6555
www.meloman.kz

М ЕЛОМАН
www.meloman.kz

Что на сегодня представляет собой российское кино? За некоторым исключением это - младорежиссеры, дети крупных кинематографических персон. Чухрай, Кончаловский, Евстигнеев... Не стал исключением и Бондарчук. Тридцатисемилетний отпрыск, зарекомендовавший себя мастером музыкального видео, снял первый полнометражный фильм. Первоначально Федор выступал только как продюсер, да и фильм задумывался другой - повторная экранизация «Судьбы человека», снятая отцом в 1959 году. Но после смерти режиссера и сценариста Петра Луцика Бондарчук-младший переменял решение и решил работать по сценарию Юрия Короткова, повествующего о последних днях афганской войны.

...СССР, вторая половина 80-х. Семеро призывников после нескольких месяцев «учебки» попадают в афганское горнило. Группа десантников получает задание занять высоту и держать ее до прохождения колонны.

В неравном бою девятая рота гибнет, так и не дождавшись подкрепления. И лишь одному, оставшемуся в живых, суждено будет узнать, что война окончена, а об отстреливающихся из последних сил солдатах попросту забыли...

Сценарий частично основан на реальных событиях. В действительности была Девятая рота. Входила в состав 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка и являлась, пожалуй, самым легендарным подразделением Советской Армии в Афганистане. За ней твердо закрепилась репутация «штрафной», так как попадали туда в основном отпетые хулиганы и «антисоциальные» элементы. Но это - грехи юности и подвально-подъездной романтики. А там, на землях древних цивилизаций, их ждала традиционная стрижка, батька-прапорщик (его, кстати, сыграл все тот же Федор Бондарчук) и суровый экзамен, который в школе по причине постоянных прогулов они не сдавали. Экзамен под названием: «Что такое Родина?»

ЛУЧ СВЕТА

Жарык, свет... Ведомый ассоциациями, связанными с кино, сразу воображаешь луч кинопроектора, прорезающий темноту. И конечно же, то чудо, что он несет. Прибавьте к вышесказанному «сельскую романтику»: густую, наполненную звуками и запахами ночь за стенами клуба, погружение, полное растворение в перипетиях красочного фильма – и сразу хочется туда, в кинозал своего детства...

Хотя, о чем это автор? – сразу же возмутится резонер. Какие там сельские клубы? Их давным-давно уже если и не разнесли по бревнышку, то приспособили под более насущные нужды, все одно кино на селе осталось лишь в воспоминаниях тех, кому за тридцать. Телевизор давным-давно заменил хождения в кинотеатры, и не от хорошей жизни...

Как хорошо, что теперь это уже не так, и нам есть что ответить на такой, пусть и воображаемый, выпад. А знаете ли вы, уважаемые, что даже в отдаленных аулах народ ходит смотреть свеженькие, с пылу с жару, блокбастеры? Мало этого, еще и выбирает язык вещания – русский или казахский. Кажется, автор перешел на фантастику? Отнюдь. Минимальная стоимость билета – в пределах 50-100 тенге, при максимальном выборе репертуара – эту жизненную правду обеспечивает сельчанам компания «Жарык», работающая над внедрением в Казахстане интегрированной цифровой спутниковой сети. А первым шагом проекта стал запуск сети электронных кинотеатров «Nurl@n».

Что это такое и как осуществляется технически? Работниками Центральной студии в Алматы формируется фильмовый канал. Сигнал передается с помощью спутника Intel Sat. Территория

охвата – Казахстан и регионы сопредельных государств, в том числе России и даже Афганистана.

При передаче информации по спутнику качество сохраняется. Зрителю доступен и многоканальный звук, и первозданная яркость фильма. Сегодня сеть «Nurl@n» состоит более чем из 110 электронных кинотеатров в одиннадцати областях нашей республики. Особенно успешно проект развивается в Северном Казахстане, найдя поддержку в лице областной администрации – вплоть до того, что к месту просмотра сельчанам организуют транспорт.

Вещание происходит в специально оборудованных помещениях, кинозалах. Оборудование стоит порядка 15 тысяч долларов, и многие из электронных кинотеатров находятся в руках частных предпринимателей. Абонентская плата за использование сигнала и показ лицензионной продукции – \$450.

Если же говорить о центральной студии, то одним из главных направлений в ее работе является подбор и последующая покупка прав на показ лицензионного аудио-видео материала. Еще – перевод и дубляж (последний появился после горячих и убедительных зрительских просьб), размещение рекламы, производство фильмов и сюжетов, а также предоставление информационной поддержки при проведении различных культурных и социальных мероприятий.

Надо отметить, что проект носит не только коммерческий, но и социальный характер.

Помимо основной задачи – показа кассовых фильмов и мультфильмов, в электронных кинотеатрах можно посмотреть и ряд других программ. Допустим, такой нетрадиционный для кинотеатра продукт, как новости. Сразу же возникают аллюзии – кинохроника суровых лет, памятные с детства кадры киножурнала. Но в данном случае речь идет о другом – донести до села как можно больше информации. Отметим притом, совершенно бесплатной для потребителя: новости и фильмы телерадиокомплекса Президента о последних казахстанских событиях идут по утрам, и в это время вход в кинотеатр свободный.

Председатель правления компании «Жарык» Нурлан Алибаев

Также в цифровом кинотеатре показывают развлекательные и познавательные программы. Чудеса света, культура народов мира, история архитектуры разных стран, новинки техники, спортивные передачи – все, как по телевизору с хорошей спутниковой антенной, но во много раз большей и впечатляющей. К тому же, как уже было сказано, с выбором языка вещания проблем не возникает, надо лишь определиться с опциями звуковой дорожки.

Кроме того, технические возможности и профессиональный подход к делу позволяют производить документальные и учебные презентационные фильмы независимо от территориального расположения объекта съемок.

Сеть электронных кинотеатров прекрасно подходит для организации курсов по повышению квалификации. Видеолекции сэкономят время и затраты на командировки обучающего персонала.

Безусловно, этот проект очень интересен для тех, кто хочет выкупить оборудование и организовать собственный бизнес, особенно в городе. Остается выплачивать только ежемесячную абонентскую плату за доставку спутникового сигнала и показ лицензионного видеоматериала. В остальном поможет «Жарык»: опытная бригада монтажников подберет оптимальный комплект оборудования, установит его, произведет инструктаж по пользованию специфичной аппаратурой. Кроме того, здесь круглосуточно работает служба технической поддержки, готовая ответить на все возникающие вопросы.

Председатель правления компании «Жарык» Нурлан Алибаев считает, что приобретать технику именно у них совсем не обязательно. Все это можно купить самостоятельно, по выгодным для клиента расценкам. С «Жарыком» же предприниматель всего лишь заключает договор, а

компания, в свою очередь, организует поставку лицензионных аудиовизуальных программ через спутник. «Часть сельчан пока считает, что нет смысла смотреть фильм в кинотеатре, если можно это сделать дома. На самом же деле кинотеатр – это своеобразное место встречи и общения» – говорит первый руководитель проекта.

Хотя в концепции репертуарной политики и заложен основной упор на фильмы, но допускается и приветствуется использование эфира для размещения социальных роликов, информационных сюжетов обо всех областях нашей республики. При выборе же фильмов специалисты пытаются учесть интересы зрителей разного возраста.

Сеть «Nurl@n» расширяется, появляются новые возможности. В скором времени электронные кинотеатры можно будет назвать интерактивным местом досуга всей семьи. Уже в ближайшее время компания планирует предоставлять услуги прямого эфира, это даст возможность проводить семинары или тематические форумы для заинтересованных компаний. Присутствующие в зале смогут задавать вопросы известным личностям, например, актерам, певцам, общественным деятелям и политикам непосредственно в прямом эфире.

Можно говорить о высокой технологичности данного проекта и о перспективах его развития как новой вехи в кинопрокате Республики Казахстан. Стоит упомянуть и такую привлекательную деталь: в ближайшее время в сети кинотеатров «Nurl@n» будут разыгрываться автомобили.

Между тем во многих областях Казахстана до сих пор остается острая потребность в хороших фильмах. К примеру, Алматинская пока что живет без кинотеатров. Зато в Мангистауской при открытии кинозала люди плакали, ведь часть из них ходила в кино только в молодости... Чтобы люди маленьких аулов не были обделены, при хороших обстоятельствах очень скоро появится так называемый «бродячий кинематограф». Большой автобус, путешествуя по селам, будет транслировать кино прямо на борту машины. Подобный опыт, только с передвижным интернет-кафе, уже проводился, и весьма успешно, в одном из редконаселенных районов США. Но пока все это только в планах.

Напоследок статистика:

Из 1 822 сельских клубных учреждений государственной сети Казахстана только 519 имеют типовые здания домов культуры и клубов, а 1 303 находятся в приспособленных помещениях. Количество кинотеатров уменьшилось с 994 до 64 (в том числе государственных – 43), киноустановок – с 2 320 до 543.

Зато новые цифровые кинотеатры ежедневно посещают почти 160 тысяч зрителей, многие компании стали размещать свою рекламу в сетке вещания, и теперь она транслируется во всех новых электронных кинотеатрах сети «Nurl@n».

ПОКАЗАТЬ РАБОТУ...

Недавно я пережил сильнейшее душевное потрясение. В офис нашей Ассоциации пришел дознаватель одного из алматинских правоохранительных органов. Нет, как говорят теперь уже, практически, в каждом фильме — это не то, что вы подумали. В самом этом визите ничего необычного не было, такие взаимные посещения — наша обыденная жизнь. Мы предоставляем информацию о нарушениях законодательства, отвечаем на различные запросы, разъясняем какие-то нюансы авторского законодательства, передаем наши правоустанавливающие документы, даем показания, да

Все это время я никак не мог взять в толк — ну что же мешает огромной государственной машине покончить с тем, что какая-то кучка людей продолжает изо дня в день, нисколько даже не скрываясь, нарушать и нарушать закон, обворовывая авторов и правообладателей?

мало ли что — обыкновенная, необходимая процедура по сбору доказательств, обеспечению прав всех сторон, участвующих в каком-либо конкретном деле. В этот же раз было несколько по-иному. Дознаватель — довольно молодой еще парень — принес какую-то бумагу. Не помню ее сути, но твердо знаю, что за пару недель (не меньше!) до этого, то ли с ним самим, то ли с его руководителем у меня был телефонный разговор по этому поводу. Тогда мы, как я думал, договорились о том, что бумага с таким содержанием (это был какой-то запрос в наш адрес) не нужна, бессмысленна, для дела совер-

шенно бесполезна и вместо нее нужен совсем иной запрос. Об этом разговоре я ему и напомнил. Но он все же настаивал, чтобы мы дали ему письменный ответ именно на тот запрос, который он принес. Объяснив ему, что мы не собираемся тратить время на занятия ерундой, спрашиваю его: «Вам-то, самому, зачем это нужно»? Тот говорит: «Как — зачем? Показать работу».

Вот так, нежданно-негаданно, я получил ответ на совершенно другой вопрос, который меня мучил с тех самых пор, как мы только начали заниматься борьбой с «пиратством». Все это время я никак не мог взять в толк — ну что же

мешает огромной государственной машине покончить с тем, что какая-то кучка людей продолжает изо дня в день, нисколько даже не скрываясь, нарушать и нарушать закон, обворовывая авторов и правообладателей?

Понятно, что над всей этой деятельностью витает сладковато-гнилостный душок коррупции — разговоры об этом доходят к нам со всех сторон. Но коррупция — это такая вещь, о которой, не имея на руках конкретных фактов, с моей точки зрения, лучше не говорить вовсе, а те факты, которые нам были известны, известны также и соответствующим органам. Другое дело, что, оказываясь, коррупция — далеко не единственное средство в арсенале недобросовестных

Графика
Сабита КУРМАНБЕКОВА

Понятно, что над всем видеопиратством витает сладковато-гнилостный душок коррупции — разговоры об этом доходят к нам со всех сторон. Но коррупция — это такая вещь, о которой, не имея на руках конкретных фактов, с моей точки зрения, лучше не говорить вовсе, а те факты, которые нам были известны, известны также и соответствующим органам.

чиновников. Сразу оговорюсь, что конечно, речь здесь не идет обо всех чиновниках, госслужащих и сотрудниках правоохранительных органов. Напротив, немало их, по крайней мере, из тех, с которыми нам приходилось работать, это люди, заслуживающие всяческого уважения. Но, к сожалению, и тот парень — далеко не исключение. Я не знаю, сколько их, которые предпочитают — и имеют такую возможность! — лишь «показать» работу вместо того, чтобы делать дело по-настоящему, до конкретного результата. Судя по тому, что проблема «пиратства» до сих пор не решена в принципе, имя им если и не легион, то немногим меньше, иначе как им удастся так эффективно тормозить процесс противодействия «пиратству», который поддерживается, а с некоторых пор даже иницируется самыми верхними эшелонами власти?

Ведь что такое сегодня «пиратский» видео-аудио-рынок? Как я уже сказал в начале, это кучка (именно так!) людей в каждом городе. Крупные населенные пункты у нас — это четырнадцать областных центров, Астана, Алматы и Семипалатинск. За исключением Алматы, в каждом из этих городов есть не более пяти, а обычно две-три фигуры покрупнее, которые занимаются оптом или держат

несколько своих розничных точек или совмещают опт и розницу. Добавим к этому несколько «единоличников» и получим 50, максимум, 100 мест реализации продукции на город, каждое из которых в той или иной степени работает с нарушениями закона — вот вам и вся картина. Опять же повторюсь — они не скрываются, их местонахождение всем прекрасно известно.

Теперь, когда мне открыли глаза, мне стало гораздо легче жить — и я не задаю себе вопрос, чем они занимаются. Раз о коррупции мы условились не говорить, то других вариантов у меня нет — «показывают» работу, очевидно...

Теперь зайдем с другой стороны — на примере одного из государственных органов, которые занимаются пресечением нарушений авторского законодательства. В штате специального отдела, которые есть в каждом региональном центре, как правило, четыре человека. Я как-то прикидывал, сколько же времени нужно двоим работникам такого отдела, поскольку в паре делать эту работу более удобно, для проведения десяти проверок и передачи материалов в суд. С максимальными временными затратами (например, на то, чтобы оформить и зарегистрировать акт о назначении проверки, а

также сдачу готового материала в суд я отводил по половине(!) рабочего дня одного человека), у меня получился двадцать один человеко-день. Даже если добавить сюда участие в судах, в которых они, на самом деле не участвуют практически никогда, все равно у двоих работников (а мы помним, что их, в действительности, четверо) остается семнадцать свободных дней из сорока четырех.

Теперь о том, что за цифра — 10 проверок в месяц. По нашим прикидкам, если бы в каждом городе ежемесячно делалось столько проверок, и по ним принимались адекватные меры (изъятие контрафактного товара и штраф в размере 100 МРП), то каждый из нарушителей проходил бы через это, минимум, два раза в год и им стало

бы просто экономически невыгодно нарушать закон. Трагедия в том, что даже этот десяток проверок не делается. Соответственно, возникает вопрос — а чем же занимаются эти двое, и оставшиеся двое «в уме»? И деликатно не упоминаем о том, что мы говорим про отдел лишь в одном из госорганов. Теперь, когда дознаватель открыл мне глаза, мне стало гораздо легче жить — и я не задаю себе вопрос, чем они занимаются. Раз о коррупции мы условились не говорить, то других вариантов у меня нет — «показывают» работу, очевидно...

Виктор ЛОСЕВ.

ПОКАЗАТЬ РАБОТУ...

Недавно я пережил сильнейшее душевное потрясение. В офис нашей Ассоциации пришел дознаватель одного из алматинских правоохранительных органов. Нет, как говорят теперь уже, практически, в каждом фильме — это не то, что вы подумали. В самом этом визите ничего необычного не было, такие взаимные посещения — наша обыденная жизнь. Мы предоставляем информацию о нарушениях законодательства, отвечаем на различные запросы, разъясняем какие-то нюансы авторского законодательства, передаем наши правоустанавливающие документы, даем показания, да

шенно бесполезна и вместо нее нужен совсем иной запрос. Об этом разговоре я ему и напомнил. Но он все же настаивал, чтобы мы дали ему письменный ответ именно на тот запрос, который он принес. Объяснив ему, что мы не собираемся тратить время на занятия ерундой, спрашиваю его: «Вам-то, самому, зачем это нужно»? Тот говорит: «Как — зачем? Показать работу».

Вот так, нежданно-негаданно, я получил ответ на совершенно другой вопрос, который меня мучил с тех самых пор, как мы только начали заниматься борьбой с «пиратством». Все это время я никак не мог взять в толк — ну что же

мешает огромной государственной машине покончить с тем, что какая-то кучка людей продолжает изо дня в день, нисколько даже не скрываясь, нарушать и нарушать закон, обворовывая авторов и правообладателей?

Понятно, что над всей этой деятельностью витает сладковато-гнилостный душок коррупции — разговоры об этом доходят к нам со всех сторон. Но коррупция — это такая вещь, о которой, не имея на руках конкретных фактов, с моей точки зрения, лучше не говорить вовсе, а те факты, которые нам были известны, известны также и соответствующим органам. Другое дело, что, оказываясь, коррупция — далеко не единственное средство в арсенале недобросовестных

Все это время я никак не мог взять в толк — ну что же мешает огромной государственной машине покончить с тем, что какая-то кучка людей продолжает изо дня в день, нисколько даже не скрываясь, нарушать и нарушать закон, обворовывая авторов и правообладателей?

мало ли что — обыкновенная, необходимая процедура по сбору доказательств, обеспечению прав всех сторон, участвующих в каком-либо конкретном деле. В этот же раз было несколько по-иному. Дознаватель — довольно молодой еще парень — принес какую-то бумагу. Не помню ее сути, но твердо знаю, что за пару недель (не меньше!) до этого, то ли с ним самим, то ли с его руководителем у меня был телефонный разговор по этому поводу. Тогда мы, как я думал, договорились о том, что бумага с таким содержанием (это был какой-то запрос в наш адрес) не нужна, бессмысленна, для дела совер-

Графика
Сабита КУРМАНБЕКОВА

Понятно, что над всем видеопиратством витает сладковато-гнилостный душок коррупции — разговоры об этом доходят к нам со всех сторон. Но коррупция — это такая вещь, о которой, не имея на руках конкретных фактов, с моей точки зрения, лучше не говорить вовсе, а те факты, которые нам были известны, известны также и соответствующим органам.

чиновников. Сразу оговорюсь, что конечно, речь здесь не идет обо всех чиновниках, госслужащих и сотрудниках правоохранительных органов. Напротив, немало их, по крайней мере, из тех, с которыми нам приходилось работать, это люди, заслуживающие всяческого уважения. Но, к сожалению, и тот парень — далеко не исключение. Я не знаю, сколько их, которые предпочитают — и имеют такую возможность! — лишь «показать» работу вместо того, чтобы делать дело по-настоящему, до конкретного результата. Судя по тому, что проблема «пиратства» до сих пор не решена в принципе, имя им если и не легион, то немногим меньше, иначе как им удастся так эффективно тормозить процесс противодействия «пиратству», который поддерживается, а с некоторых пор даже иницируется самыми верхними эшелонами власти?

Ведь что такое сегодня «пиратский» видео-аудио-рынок? Как я уже сказал в начале, это кучка (именно так!) людей в каждом городе. Крупные населенные пункты у нас — это четырнадцать областных центров, Астана, Алматы и Семипалатинск. За исключением Алматы, в каждом из этих городов есть не более пяти, а обычно две-три фигуры покрупнее, которые занимаются оптом или держат

несколько своих розничных точек или совмещают опт и розницу. Добавим к этому несколько «единоличников» и получим 50, максимум, 100 мест реализации продукции на город, каждое из которых в той или иной степени работает с нарушениями закона — вот вам и вся картина. Опять же повторюсь — они не скрываются, их местонахождение всем прекрасно известно.

Теперь, когда мне открыли глаза, мне стало гораздо легче жить — и я не задаю себе вопрос, чем они занимаются. Раз о коррупции мы условились не говорить, то других вариантов у меня нет — «показывают» работу, очевидно...

Теперь зайдем с другой стороны — на примере одного из государственных органов, которые занимаются пресечением нарушений авторского законодательства. В штате специального отдела, которые есть в каждом региональном центре, как правило, четыре человека. Я как-то прикидывал, сколько же времени нужно двоим работникам такого отдела, поскольку в паре делать эту работу более удобно, для проведения десяти проверок и передачи материалов в суд. С максимальными временными затратами (например, на то, чтобы оформить и зарегистрировать акт о назначении проверки, а

также сдачу готового материала в суд я отводил по половине(!) рабочего дня одного человека), у меня получился двадцать один человеко-день. Даже если добавить сюда участие в судах, в которых они, на самом деле не участвуют практически никогда, все равно у двоих работников (а мы помним, что их, в действительности, четверо) остается семнадцать свободных дней из сорока четырех.

Теперь о том, что за цифра — 10 проверок в месяц. По нашим прикидкам, если бы в каждом городе ежемесячно делалось столько проверок, и по ним принимались адекватные меры (изъятие контрафактного товара и штраф в размере 100 МРП), то каждый из нарушителей проходил бы через это, минимум, два раза в год и им стало

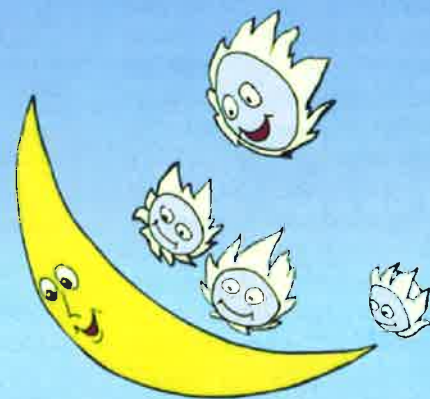
бы просто экономически невыгодно нарушать закон. Трагедия в том, что даже этот десяток проверок не делается. Соответственно, возникает вопрос — а чем же занимаются эти двое, и оставшиеся двое «в уме»? И деликатно не упоминаем о том, что мы говорим про отдел лишь в одном из госорганов. Теперь, когда дознаватель открыл мне глаза, мне стало гораздо легче жить — и я не задаю себе вопрос, чем они занимаются. Раз о коррупции мы условились не говорить, то других вариантов у меня нет — «показывают» работу, очевидно...

Виктор ЛОСЕВ.

Луна, как и все живое в этом мире, тоже когда-то родилась. И было это в четверг, а может быть во вторник. Доподлинно знает лишь один портной, что в ту ночь не спал, а занимался своим привычным портняжным делом. Чтобы не уснуть, пел он свою любимую песню. Когда на сердце хорошо, спокойно, слова сами срываются с губ и могут дойти до самого неба. Маленькой Луне, только что появившейся на свет, стало любопытно: кто же там так удивительно поет? В хороводе таких же маленьких звездочек она спустилась почти к самой земле, стала прислушиваться и увидела невдалеке белую юрту. А так как была она еще совсем крошкой, то не составило ей большого труда попасть внутрь. Удивился портной. Ведь не каждый день приходит к тебе в гости Луна. Но Луна, как все шаловливые дети, что не обращают внимания на старших, сразу стала рассматривать, чем это занимается портной, наряжаться в разные платья. Они ей так нравились, да одна беда – все-то не по размеру. Слезы лунные потекли рекой: «Как же так, чем я хуже?!». Но портной не был бы портным – мастером золотые руки, если бы не утешил нашу красавицу. Пообещал ей, что к следующей ночи сошьет красивое платье, всем звездам и даже Солнцу на зависть. Белое, конечно, ведь небесные тела не знают малодушия. Снял портной с нашей плаксы мерки и принялся за работу. Ну, а Луна – что Луна... Зарумянился рассвет, и ей пришлось отправляться домой, на небо. Весь день работал портной и к первой звезде сшил платье, только не учел он одного – день земной дню небесному – рознь. Поздней ночью в шаныраке увидел он глаз! О, Боже! Да ведь это моя Луна! Только подросла она, чуть ли

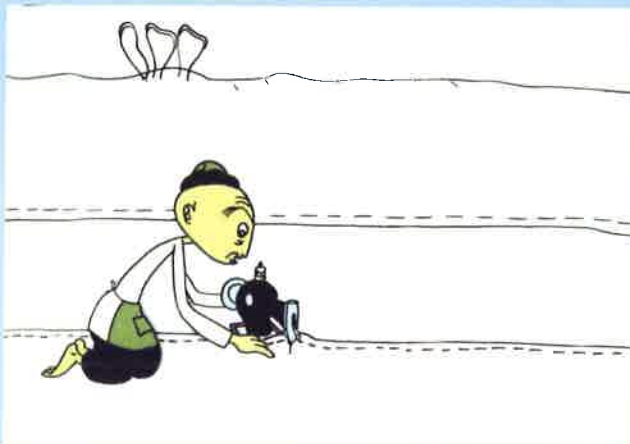
не с юрту ростом. Кое-как вошла Луна в дом к портному. И так примеряла его платьице и эдак, да все одно – маловато. Опять ручей лунных слез, столик деревянный по юрте корабликом плавает. Опять пришлось портному успокаивать Луну: «Не горюй, сошью я тебе еще одно платье». Засучил рукава наш мастер. Песенку поет, усы покручивает, хотя работы не мерено, не каждый землянин такое осилит. С заходом Солнца платье уже готово. Но Луна, бедняжка, выросла еще больше. Уже и в юрту не пролезит. Вышел портной, примерил на нее обновку, да не выдержала ткань, разошлась по швам. Снова взялся за работу портной, но только Луна больше уже никогда не приходила к нему. Ведь стала она огромной, и даже если бы все люди Земли собрались сшить ей платье, ничего бы у них не вышло. Наверное, роняет там, далеко, Луна свои слезы. Одна-одинешенька. И только песня портного радует ей душу. Ну, а портной? Мастеровому человеку нет времени горевать, ведь есть у него руки да игла с ниткой, да прекрасная песня, послушать которую слетаются и Луна и звезды.

По мотивам мультипликационного фильма Калдыбая Сейданова «Портной и Луна», Роман АХМЕДОВ

ЛУНА

ПОРТНОЙ И

ГИММИК —

Среди всего многообразия терминов современного кинематографа вы вряд ли встретите один, очень популярный в 50-60-е годы — «шоуменство» (showmanship), или «гиммик» (gimmick). На сленге «гиммик» означает трюк, приспособление, уловка. Полвека назад, когда казалось, что кино исчерпало все свои возможности, некоторые продюсеры пробовали новые методы воздействия на зрителя, новые «крючки» для завлечения людей в кинозалы.

ЗАБЫТОЕ СЛОВО В КИНО

Первый известный пример такого крючка, или гиммика, — картина «Мама и папа» («Mom And Dad»), снятая в далеком 1947 году. Тогда по всей Америке ходили слухи о новом, крайне непристойном фильме с невинным названием, который, тем не менее, шел в открытом прокате. С точки зрения современного зрителя, ничего особенного в этом фильме не было: просто там впервые в документальном стиле была показана сцена родов и, соответственно, на экране присутствовала полностью обнаженная женщина. Мужская часть аудитории не обращала внимания на процесс рождения ребенка, сосредоточившись на голой женской фигуре.

Режиссер Крогер Бэбб за несколько дней до выхода картины инспирировал серию заказных статей в прессе, в которых разгневанные домохозяйки требовали убрать с экрана непотребных «Маму и папу». Тем самым успех фильму был обеспечен. Но мало того, Бэбб настоял, чтобы на его фильм зрителей пускали по половому принципу: женщин — днем, мужчин — вечером. Вдобавок посреди сеанса в зале отключалась вентиляция и пускался безвредный, но очень вонючий газ. Когда кто-нибудь из зрителей не выдерживал и выходил вон, у дверей кинотеатра его уже поджидали машина скорой помощи и фотографы. На следующий день в газетах появлялись снимки очередного разгневанного пуританина, которого фильм якобы привел в состояние шока.

Самым известным мастером гиммиков был режиссер и продюсер Уильям Кастл, получивший прозвище «Хичкок для бедных».

Первым известным фильмом Кастла был «Макабр» («Macabre», 1958). Сама по себе кар-

тина не была чем-то особенным — очередной дешевый «черный» триллер, снятый за девять дней и 90 тысяч долларов. Но Кастл придумал гениальный ход: он заключил договор с всемирно известным агентством Ллойда, застраховав каждого зрителя на тысячу долларов на случай смерти от ужаса. Копии страхового соглашения были помещены на афиши, а у каждого кинотеатра, где шел фильм, дежурили женщины в халатах медсестер.

В итоге «Макабр» стал хитом №1 — потому что каждому хотелось увидеть собственными глазами, как во время сеанса какой-нибудь ненормальный умрет от страха, и его наследники получат 1000 долларов.

Уильям Кастл также участвовал в рекламной кампании фильма: он собственной персоной появлялся у кинотеатра в катафалке и эффектно выпрыгивал из гроба на глазах у зрителей. Все это принесло ему и его фильму неслыханную популярность.

На заработанные деньги Кастл смог в том же 1958 году снять еще один фильм — «Дом на холме призраков» («The House Of Haunted Hill»), с настоящей кинозвездой Винсентом Прайсом. Фильм стал классикой жанра «хоррор» и известен современному зрителю благодаря недавнему римейку.

На зрителях этой картины Кастл отработал свой следующий гиммик, который он назвал «Эмерго». Возле экрана устанавливался черный ящик. В определенный момент фильма крышка открывалась, и из ящика вылезал трехметровый пластмассовый скелет, подсвеченный прожекторами, который на специальных тросах пролетал

через весь зал. Равнодушным в зале не оставался никто.

Следующим «шедевром» Уильяма Кастла был «Тинглер» («The Tingle», 1959). «Tingle» по-английски — трепет, дрожь, зуд. Авторы фильма предположили, что в позвоночнике каждого человека живет кроважадный тинглер (существо, похожее на краба), который пробуждается, если его носитель испуган. Чтобы уничтожить тинглера, нужно громко закричать.

По сюжету фильма тинглер появлялся в кинотеатре и убивал механика. Во время настоящих сеансов по громкой связи зрителям объявляли: «Внимание! Тинглер вырвался на свободу! Кричите! Пожалуйста, кричите, если вам дорога жизнь!». Кроме пресловутого тинглера зрителей поджидал другой сюрприз, который Кастл называл «персепто». В каждое кресло в зале был вмонтирован маломощный электрошокер. То один, то другой зритель, почувствовавший странный зуд, вскакивал, озираясь в поисках зловещего тинглера.

Через год Кастл снял новый стереоскопический фильм «13 призраков» («13 Ghosts», 1960). И опять зрителей поджидал гиммик. Всем раздавались специальные насадки на стереоскопические очки. Посмотрев через них под определенным углом, можно было увидеть привидения. Некоторых это впечатляло.

Между прочим, Альфред Хичкок взял на замет-

ку приемы Уильяма Кастла и в 1960 году на афишах фильма «Психо» («Psycho») написал: «После начала сеанса вход в зрительный зал запрещен!» Кастл не остался в долгу и через год снял вариацию на тему «Психо» под названием «Убийство» («Homicidal», 1961). Это первый фильм в истории кино, в котором был так называемый «перерыв на испуг». За две минуты до конца сеанса экран темнел и голос Кастла объявлял перерыв. Если зритель был слишком напуган, он мог покинуть зал, ступая по светящемуся следу. На него направлялись прожекторы, а Кастл кричал: «Смотрите, это трус!». К человеку подбегала медсестра, которая на глазах у всех замеряла у него давление и отводила в специальный «Угол труса», где бедняге возвращались деньги за билет.

Зрители фильма «Мистер Сардоникус» («Mr.Sardonicus», 1961) стали жертвами нового гиммика Уильяма Кастла. Аудитории раздавались светящиеся изображения человеческого кулака с оттянутым большим пальцем. Теперь зрители могли, подобно древним римлянам, голосовать, решая судьбу главного злодея фильма. Естественно, большинство всегда выбирало смерть для него. Собственно, других вариантов и не было — хитрый Кастл снял только одну версию окончания фильма.

После этого талантливый мистификатор создал еще несколько картин, но ни одна из них не сравнилась по популярности с его прошлыми работами. Чего только не придумывал Кастл ради привлечения народа: приглашал всех после сеанса на обед с кинозвездой Джоан Кроуфорд, оснащал зрительские кресла ремнями безопасности («чтобы во время просмотра никто не свалился на пол от ужаса»).

Но время шоуменства в кино прошло. За последние сорок лет никому не удалось придумать трюк, который бы привлек зрителей в зал, подобно безумным гиммикам Уильяма Кастла.

Сергей ВЕРЕЙКИН

Editor's Letter

Text: Darezhan Omirbayev

Page 3

Talk that «the most sweet thing on light – power». «Not for all, but only for that who has not got to know else fine, deep and strong gustatory sensations». – I have added. On of the example in favour of such my hypotheses – historic:

At the beginning of fifteenth age the ruler of Samarkand, bodeful of grandson Timur, Ulugbek threw the main work of knan and seriously concerned with own old hobby – an astronomy. For this adventure he has paid own life, but then he has left the mainkind the most exact for own period of map starry sry, which has served the main modern astronomy. Nothing even power and rich can not kill natural longing of the person to beauty, liberty and creative activity.

Tungyshbay

Interiyu has written Tatiyana Chernousova.

Page 24

What are money signifie for you?

I worry that all, we actors do not freedom But money if a little thing , it is –freedom. Abroad the most rich people – an actors, doctors, lawyers. By us not so. If our society recognized us over dignity, we were millionaire. Not in vain I emerge over cause of the wrong financial distribution in «Nomad». In west cinema production till 60% budget is intended for honorarium: actor's , producer's and so on. By us with accurary yes on the contrary. First the whole top stuffs himself pockets afterwards that remained – a horses, but that from they remained – already actors. It is very painfully. May be anybody from my opponent and considers me scopidon, thinking that all, that I do all of money, but he is mistake. Simply their own money I identify with freedom. If actor will not think about financial difficulty, household things, he will not be an actor in full sense of this word.

Tolomush Okeev Film director

Public's actor USSR

(September 11.1935 – December 18.2001)

text: Gulibara Tolomusheva

Page 40

He was always animated, his gusty motion attracted , speed to reactions amazed, sharpness in estimation could offend, but intolerance to feebleness was evident. Generous, good man perceived world through drafty prism the most rich poetic spoken public creative activity sharp, inquisitive min. Either as one should true kirghiz, was born and grow in Issyk – Kuliskoy region , the vilarge Bokonbaevo Tonskogo region. Okeev was proud of its region and often repeated: I am interesting kighiz as such, but simply kirghiz growing on asphalt not knowing its language , cultures, does not cause wishes to present his image on screen.

Gimmic – forgotten word in cinema

Text Sergey Verevkin

Page 60

Amongst the whole varieties terms of modern movie theater you hardly meet one very popular in fifties sixties years – showmanship or gimmick . For slang «gimmick » means the stunt, adjustment, trick. The half a century ago when seemed that cinema has exhausted all their own possibility some producers tried the new methods of the influence for spectator new « hooks » for seduce people in cinema- halls. The first famous example of such hook or gimmick – a picture Mom and Dad has shooting 1947 in distant. Then over the whole America went the rumours about new extremely obscene film with virgin title which suited in open rolling. With standpoint of the modern spectator especial in with film was not simply. There for the first time in documentary stiletto was shown stage of gender and accordingly to screen was present completely denuded woman. The male part to auditoriums paid no

regard to process of the birth child concentrating to bare feminine figure. The director Knoger Bebb for several days before leaving the picture created series custom-tailored articles in press in which furious housewives required to tare away with screen indecent Mom and Dad. The film was better The Bebb has persisted to at film of the spectators started over sexual principle woman- daytime, man – at night. in the middle session ventilation was disconnected to common – room and gas set off harmless but gas was very foul. When anyone from spectators did not hold and left the holl his already awasted the machine to ambulance and photographers by the door. The next day photos appeared in newspapers When took that film has provided in condition of the snock. By the most famous master of gimmicks was producer and director Uiliyam Kastl got pickname Huchkok for poor

Vadim Abdrashitov «Each film is always debut.

Page 36

Art always proved that in each person – Universe. Business can not crotchety people with varied request. The consumer of any product must be averaged . Culture this always resisted, seen in conflict of the individuals with sulphur by mass drama or even tragedy of the separate person All mass takes its, and becomes all seale , but space of the culture as a whole consequently and cinemaart decreases n amount. Thirty- fourty years ago phenomenas and facts artistic full-fledged was well over than presently. But this – worldwide process is not only russian. Look that is maked in american movie theater. Recall the pictures which in due course put forward for Oskar or got Palm and other branches. It is difficult himself to present that such film as Titanik could recommended for Oskar. It is and there process of global. Since exists separate artists cinema art as such also well continue to exist.

КИНОБАЙКИ

от ГЕОРГИЯ НАТАНСОНА

Михаил Ромм

Выхожу как-то со студии, направляюсь к остановке, что возле «Мосфильма». Тут из ворот проходной выезжает Ромм - на малю-ю-сенькой машинке - «Опеле». А Ромм ведь был очень высокий, ноги длинные, как он туда помещался - непонятно. Увидев меня, он притормозил (лично мы не были знакомы, хотя встречались на различных собраниях): «Вы куда едете? - Домой, - говорю. - Я вас подвезу». Я опешил. Сам Ромм меня подвезет!!! Я сел в эту малюсенькую машину («Ока» по сравнению с ней - «Мерседес»), Ромм дал газ, повернулся ко мне и говорит восторженно: «Не машина, птица!»

Вера Марецкая

Алма-Ата. Фридрих Эрмлер начинает снимать картину «Она защищает Родину». Идут пробы на главную роль. Пришел посмотреть: выступает красивая актриса - читает монолог. Эрмлер ей говорит: «Танечка, вот здесь должны появиться слезы». Одна репетиция, другая... - слез нет. Он говорит: «Ничего. Гример, подойдите с нашатырем». Понюхав нашатыря, актриса прослезилась. А за кулисами стояла Марецкая, наблюдая за этой сценой. Когда настала очередь ее проб, Марецкая вошла в кадр. Эрмлер сказал про слезы. «Это очень сложно!» - ответила Марецкая. «Ничего-ничего, тебе сейчас помогут». Подоспевший гример готов поднести бутылочку ей к носу. Вдруг Марецкая: «А мне не сюда! - присутствующие замерли - А мне в подмышку!». Все засмеялись, поняли, что это шутка. Конечно, Вера Марецкая сыграла безо всякого нашатыря.

Путаница

Берлин. Кинофестиваль, в котором участвует и советская делегация. По каким-то причинам я опаздываю на два дня. Самолет прилетает поздно вечером. Меня встречают немцы, сажают в машину, радостно улыбаются, что-то говорят... Я, естественно, ничего не понимаю, только «данке-данке», «битте-битте». Привозят в гостиницу. Мне сразу дают ключ, провожают в номер. Вхожу - и вижу апартаменты из трех комнат! Цветы, корзины с фруктами! Я так обрадовался: «Ой, данке, данке!»

Где-то в семь часов утра стук в дверь. Открываю, стоит женщина из нашей делегации: «Георгий Григорьевич, произошла ошибка. Вас приняли за

Луи де Фюнеса. Вам надо срочно собрать вещи и перейти в другой номер». И меня перевели в простой однокомнатный номер, который и полагался членам советской делегации.

Сергей Эйзенштейн

Мне приходилось совмещать работу с учебой. Днем после ночных съемок я бежал на лекции. Особенно любил лекции Эйзенштейна. Но не только я, на них сбегался весь ВГИК. Эйзенштейн - истинный гений, конечно. И человек очень хороший. Веселый, добрый, всегда с улыбкой. В общем, как-то он читал нам лекцию о вертикальном монтаже. Я уверен, что три четверти аудитории, в том числе и я, ни фига не могли разбраться в его ученых «доказываниях». Я слушал, слушал, а потом заснул. Меня расталкивают, но я не могу проснуться. Эйзенштейн увидел и говорит: «Не будите Натансона, он ночью работал у Пырьева. Я ему отдельно потом расскажу то, чего он не слышал».

Часто у него студенты просили денег взаймы. Он никому не отказывал, но всегда с улыбкой приговаривал: «Все равно ведь не отдашь».

Графика
Сабита КУРМАНБЕКОВА

Риту-Палас

3-й этаж

AIGNER

Адрес: ТРЦ «РИТЦ-ПАЛАС», мкр-н «Самал-3», пр. Аль-Фараби, 1, уг. пр. Достык.
Тел.: 96 49 33, факс: 96 49 30